

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Ищущий битву

«Владимир Свержин»

1997

Свержин В.

Ищущий битву / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
1997 — (Институт экспериментальной истории)

Вы – сотрудник Института Экспериментальной Истории. Работка, между прочим, еще та – шататься по параллельным реальностям и восстанавливать нарушенную историческую справедливость! Вы получили новое задание. Миссия... положим, очень выполнима: прорваться вконец веселого XII столетия и вытащить из плена этого... КАК ЕГО ТАМ... плохого монарха, плохого поэта и славнейшего из рыцарей... Да – Ричарда Львиное Сердце! В кредите у вас – опыт работы, хитроумный напарник по прозвищу Лис и древний, асами скандинавскими кованный меч по имени Ищущий Битву. Неплохо! А вот в дебете – думаете, только опасные приключения? Только встреча с весьма двусмысленным магом, встреча, из которой еще незнамо что выйдет? Недооцениваете задание, господин научный оперативник!..

© Свержин В., 1997

© Владимир Свержин, 1997

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	17
Глава пятая	26
Глава шестая	33
Глава седьмая	40
Глава восьмая	49
Глава девятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Пролог

– Это факт?
– Нет, это хуже, чем факт! Это так оно и было на самом деле!
«Тот самый Мюнхгаузен»

Капитан Брасид, мой старый добрый друг, начинал свое повествование с кокетливой оговорки: «Это не я». В свою очередь должен прямо заявить, что если что-то из описываемого здесь и происходило в действительности, то именно со мной.

Началось все несколько лет назад, когда вскоре после двадцать восьмой своей годовщины я окончательно и бесповоротно усвоил о себе несколько «слишком». Я «слишком» нагл и самонадеян, чтобы служить в столь прославленной части. «Слишком» склонен к авантюризму, чтобы работать в нашей фирме, гордящейся своими древними традициями. «Слишком» не желаю считаться с незыблемыми авторитетами, а также ни в грош не ставлю репутацию вполне достойных представителей нашего общества, чтобы работать в столь почтенной газете.

К этому остается добавить, что я «слишком» уважаю себя для серьезных занятий политикой, чтобы понять, что дела мои в те дни были, увы, отнюдь не «слишком». Конечно, устроиться телохранителем к какому-нибудь финансовому тузу по ту сторону океана или – совсем на худой конец! – завербоваться в Иностранный Легион не составляло для меня проблем, но мои многочисленные тетушки сочли бы это дерзким вызовом и моветоном для отпрыска такого древнего и знатного рода, как наш. Что, в свою очередь, толкало меня на тернистый путь distinguished and forgotten Айвенго, то есть на веки вечные делало «рыцарем, лишенным наследства».

В грустных раздумьях о тщете всего сущего я давился теплой колой в маленькой забегаловке форта Норич, где в заботах о хлебе насущном протекали мои дни, когда дверь с мелодичным звоном распахнулась и, словно ангел-искуситель, в лучах заходящего солнца в дверном проеме во весь свой немалый рост возник мой старый итонский одноклассник и побратим полковник Джозеф Рассел.

– Я объехал почти всю Британию, разыскивая этого облезлого павиана, а он сидит здесь, словно памятник обломкам империи, и пьет какую-то бурду, – без всякого вежливого предисловия начал он. – Кстати, что именно ты пьешь? Колу?! Ты что, окончательно свихнулся в этой дыре? Брось сейчас же травиться этим унижительным для мужского достоинства питьем! У меня в машине ящик шартреза урожая тридцать второго года.

Он замолчал, выжидая, какую реакцию вызовет у меня его сообщение, но, не дождавшись должного эффекта, небрежно добавил:

– Тысяча восемьсот тридцать второго! Так, захватил с собой, чтобы сполоснуть нашу встречу.

Судя по изысканности оборотов речи, старина Зеф был действительно рад меня видеть. Честно говоря, я тоже. Мы с детских лет росли вместе. Вместе жевали гранит науки, вместе проводили часы в фехтовальных залах и на татами. Вместе желторотыми лейтенантами прибыли в батальон коммандос, где нам предстояло преумножить славу своих отцов во славу английской короны.

Правда, после десанта на Жарль-Жар нам пришлось надолго расстаться. Я отправился в госпиталь, он – в академию. Дальше – Генеральный штаб, а еще дальше ему присветило что-то уж такое непонятное, что его файл на компьютере однообразно высвечивал «Топ секрет», не поддаваясь на многочисленные попытки подольститься к нему. И вот Джозеф возникает в нашей глухомани в одуренно дорогом костюме, кокетливо украшенном знаком коммандос, с ящиком коллекционного шартреза в багажнике своего новенького «ягуара».

– Что ты здесь расселся, как Папа Римский на приеме? Целования туфель не предвидится. Собирайся, мы уезжаем. – Это последовало сразу же за предложением сполоснуть встречу старых друзей ящиком шартреза.

– Да, но...

– Знаю я все твои «но»! Ты обучаешь этих молокососов, завтрашних лейтенантов Королевской морской пехоты, управляться с холодным оружием и без оно́го. Ты специально для этого ушел из Кембриджа?! Тоже мне, нашел себе работенку! На вот, читай. – Рассел бросил мне пакет, скрепленный печатью ее величества. – Приказ о переводе вас, мой любезный друг, как уникального мастера исторического фехтования и прочая, и прочая, в распоряжение Института экспериментальной истории. Пока что в качестве инструктора. Но скажу тебе прямо: я тебя вытягиваю совсем не для того, чтобы ты сушил мозги. Уяснил? Вопросы? Просьбы? Возражения? Нет? Отлично!

Вопросов и возражений в разговорах с Расселом возникнуть не могло – их просто некогда и некуда было вставить.

Я всегда восхищался вулканической энергией моего побратима. Если бы имелся способ поставить на ее пути турбину, то мощности хватило бы для иллюминации всего Лондона, пожалуй, даже с предместьями.

Как бы там ни было, а в одном дружище Зеф оказался прав. Я недолго ходил в инструкторах в этом странном заведении.

Глава первая

Есть много, друг Горацио, такого, что и не снилось нашим мудрецам.
Гамлет, принц Датский

лаборатория рыцарства, к которой я был приписан, находилась в довольно неудобном длинном подвале со сводчатым потолком. Здесь же хранилось невероятное количество факелов, гобеленов, подставок и площадок для светильников, наконец, именно у нас почему-то решили устроить свалку доспехов и прочей ратной снаряди.

Готлиб Гогенцоллерн, шеф нашего отдела, восходящее научное светило, сделал стремительную карьеру благодаря изысканиям в сравнительной истории европейских монархий XIV–XV веков. Теперь в наше подземное царство светило спускалось исключительно по большим праздникам.

В эти светлые дни его представительная дородная фигура опасливо скользила между сваленных в груду испанскими алебардами и сундуками, забитыми всяким барахлом, то и дело обмахиваясь кружевным надушенным платком. Обычно же его лицо представало перед нами в магическом кристалле, подаренном Мерлином сэру Мердаину из Голстонборо, и просило прибыть к нему в апартаменты.

В тот день ничто не предвещало грозу. Только-только душа и радость нашей лаборатории Арви Эмрис, усевшись на дубовый стол, воткнула кипятыльник в трофейный фламандский кубок, готовясь порадовать смертных чашечкой кофе, рецепт приготовления которого хранился ею построжее, чем тайна вкладов в швейцарских банках, только-только кто-то из вернувшихся стал травить свежие парижские анекдоты, гулявшие при дворе Пипина Короткого, как пресветлый лик нашего мэтра возник в магическом кристалле и потребовал меня к себе.

– Милостивый государь, – начал мэтр бархатным голосом царедворца, предвещающим черную работу.

Я расслабился и сосредоточил свое внимание на каминной решетке за спиной шефа. Минут пятнадцать я мог полностью посвятить этому увлекательному занятию, пока начальство с самым благостным видом по-отечески терпеливо объясняло мне, что больших тунейдцев, чем моя группа, в Институте нет и что мы только и знаем, что шляться по турнирам в поисках никому не нужных приключений и просаживать казенное золото.

Это было весьма спорное заявление, но пререкаться с начальством – бесполезная трата времени и сил. Я уже изучил камин и все украшавшие его статуэтки и занялся портретом шефа работы Эль Греко, когда моего слуха достигли слова: «А график работы на следующий месяц еще не подали!» Судя по всему, это знаменовало завершение обличительной речи, теперь начинался конструктив.

– Знаете ли вы короля Ричарда Львиное Сердце? – безо всякого перехода продолжил наш вельможа.

Короля Ричарда я знал, и не одного. С несколькими из них бывал в крестовых походах, а с одним был даже дружен, в бытность мою шефом иоанитов. Готлиб, конечно же, находился в курсе моих походов, и вопрос был задан для затравки разговора по делу.

Я выжидательно взглянул на шефа. Он достал из стола пергамент, исписанный размашистым почерком на старофранцузском. Судя по некоторым особенностям начертания букв, работать предстояло где-то у сопределов поблизости. Герба, жаль, на пергаменте не было, а по шрифту много не скажешь.

Гербы – другое дело. Это мой конек. В общем, протягиваю шефу пергамент обратно и говорю, глядя так понимающе: «Ну...»

Светило только хмыкнуло, сам-то полиглот, что ему старофранцузский, оно и по-этрусски болтает, как так и надо. Но все же выдало мне перевод. Это оказалось донесением от одного из наших стаци.¹ Там, у него на родине, местные феодальные уроды своего Ричарда сговорились грохнуть, и осталось жизни тому всего ничего. Цель моего выезда сразу стала понятна, поэтому то время, за которое шеф давал мне вводную, я провел, обдумывая план будущей операции.

– Как насчет Льежской конвенции? – спросил я.

– Спокойно, там будущее еще не наступило, – ответил шеф.

– Сколько человек отправляется со мной? – Я старался казаться кратким и деловым.

– Один, на твой выбор. – Лицо светила ничего не выражало.

Я горько усмехнулся. Задача, которую ставило передо мной начальство, была вполне под силу для небольшой армии. Найти, освободить, уйти благополучно. На все про все десять дней. От силы – две недели. Если Бог даст.

– Надеюсь, вы найдете союзников среди местного населения, – угадал мои мысли шеф.

Я тоже на это крепко надеялся. Что мне еще оставалось, как не рассчитывать на поддержку аборигенов, если собственное начальство таковую мне предоставлять не собиралось.

Дальше были сборы. В одном из закоулков наших катакомб, переоборудованном в спортзал, я, как и рассчитывал, обнаружил Лиса.

Сергей Лисиченко, прозванный так отчасти из-за фамилии, отчасти из-за схожести повадок, был моим неизменным напарником в подобного рода вылазках. Сейчас он развлекался, со зверским лицом вращая свои литые нунчаки. Гул стоял как от винта небольшого вертолета.

Я прислонился к дверному косяку, ожидая, когда мой напарник закончит свои экзерсисы. Но, похоже, ободренный моим вниманием, он и не думал останавливаться.

Подождав еще минуту, я тихонько окликнул его: «Ли-ис!» Стальные палки свистнули в последний раз и аккуратно сложились под лисовской правой рукой. Он ожидающе посмотрел на меня и с плохо скрываемой гордостью осведомился:

– Ну как?

Зрелище впечатляло, о чем я тут же сообщил. Сережа просиял.

– Лис, мы выезжаем!

Не могу сказать, чтобы эта новость его слишком обрадовала.

– Опять! Ты же знаешь, – начал он, – Рыжая завтра возвращается от родителей.

Я знал. Но вариантов не было.

– Ладно, – задумчиво произнес я, поворачиваясь к двери, – тогда, наверное, придется брать Виконта.

Этот крепкого вида юный стажер уже две недели слонялся по подземелью, пугая завезенных откуда-то призраков и захламляя спортзал банками из-под пива. Между лопаток, как и ожидалось, я почувствовал обиженный взгляд моего извечного боевого сотоварища.

Лис что-то недовольно пробормотал себе под нос и холодно осведомился:

– Куда?

Я изложил ему вводную, выданную мне Отпрыском. И началась суeta сует.

Если вы когда-нибудь были новогодней елкой, то, думаю, меня поймете. Арви – не только душа лаборатории, но и редкий специалист в области исторического костюма – по-матерински хлопотала над нашим одеянием. Коллеги оживленно обсуждали предстоящую экспедицию, предлагая наперебой гениальные планы, один экзотичнее другого. Наконец мне удалось вырваться из этого кольца непрошенных советчиков, и я отправился в оружейную комнату. Здесь меня уже никто не трогал. Всякий в лаборатории знал, что выбор вооружения – дело святое.

¹ Стаци (оперативный сленг) – стационарный агент. – *Здесь и далее примеч. автора.*

Первым делом я, конечно же, отпер свой сейф, где хранились мечи. За каждый из них любой монарх с радостью отдал бы полцарства вместе с конем. Я вытащил лучший. Он носил имя Катгабайл, что означает «Ищущий битву».

Кованный гномами из «истинного серебра» атлантов, добытого в сердце земли, закаленный лучами полной луны, он некогда принадлежал асу Тюру, отважнейшему из богов викингов. И рубины в его рукояти были застывшими каплями крови из руки бесстрашного сына Одина. С тех пор у меча была еще одна особенность: никто из владевших этим мечом по праву не был побежден в бою. С тех же пор за ним водилось еще одно милое качество – из правой руки он выскальзывал.

Я владел мечом по истинному заслуженному праву. Правда, это уже другая история.

Обнажив клинок, я с трепетом взглянул на строчку рун, сбегавших по светлому с голубоватым отливом лезвию, и прикоснулся губами к холодному металлу. Тени славных воинов, владевших некогда этим мечом, плотным кольцом обступили меня. Я знал, что в час грядущей схватки они встанут плечом к плечу со мной.

– Фривэй! – радостно выкрикнул я свой боевой клич, и мощное эхо множеством голосов вернуло его ко мне...

Приладив ножны с мечом к поясу, я закрыл заветный сейф и занялся остальным снаряжением.

Лис уже ждал меня. Ей-богу, выглядел он недурно. С него можно было писать картину «Менестрель конца двенадцатого столетия» и помещать ее во всех школьных учебниках. Я оглядел его со всех сторон и слегка поморщился. При желании можно было угадать, где спрятаны его нунчаки, а в некоторой утолщенности «манжет» угадывались кассеты с сюрикенами.

Опираясь Лис на длинный резной посох. Его я тоже знал. При изящном повороте из него появлялся чудный клинок – ниндзято. Да и остальные части были многофункциональны. Завершив осмотр, я вежливо протянул своему спутнику руку и церемонно представился:

– Вальдар из рода Камдилов, сьер де Камварон, зовущийся также Верная Рука.

– Рейнар из Гайрена, – серьезно доложил Лис, крепко пожимая протянутую руку.

Я хотел было спросить, уверен ли он, что в это время в этом месте применялись сюрикены, но передумал и лишь обреченно вздохнул.

Торжественные проводы у нас не в чести. После традиционного: «С Богом!» – народ занялся своими делами, и в келье, которую я из мелкого тщеславия величал кабинетом, остались лишь я, Лис и Ар-вешка.

– Удачи вам, ребята, – произнесла она своим колокольчиковым голосом. – Возвращайтесь скорей. – И она улыбнулась мне одной из тех потрясающих улыбок, от которых в комнате становится светлее.

Я картинно рухнул на правое колено и самым патетическим тоном изрек что-то по поводу того, что я непременно свершу сей великий подвиг, вернусь, увенчанный немеркнущей славой, и свалю все добытое к ее ногам. Что-то в таком роде. При этом, естественно, я прижимал руку к груди, где под кольчугой на плетеном шнурке висела ладанка с локоном ее рыжих волос.

– Иди ты к черту! – смущаясь, несколько притворно отмахнулась она.

– Похоже, именно туда мы и направляемся, – заметил дотоле молчавший Лис.

Глава вторая

«Итак» – слово, которое было вначале.

Свидетель

Если вы спросите меня, каким образом происходит переброска, говорю честно: не отвечу. Просто не знаю. Заходишь в помещение здесь и выходишь там. Если вам это действительно интересно, обратитесь к нашим транспортникам, а лучше всего – в отдел по науке. Уж эти умники точно должны знать.

А меня, по правде говоря, вполне устраивает мир, стоящий на трех китах, и я не вижу нужды придумывать что-либо иное. Итак, с тихим шипением отворилась дверь переходной камеры, тщательно закамуфлированная под базальтовую плиту, и новый мир радостно приветствовал нас свежестью раннего утра, еще не подозревая, чем грозит ему наше появление. Окружающая обстановка навевала лирические мысли о первобытных людях, недоеденных мамонтах, незавтракавших пещерных медведях и прочей тому подобной дремучести.

– Капитан, ты уверен, что мы попали по назначению? – подал голос Лис, мрачно оглядывая девственный антураж.

– С благополучным прибытием! – У входа в пещеру стоял невысокий, тщедушного вида мужчина в изрядно поношенной сутане, подпоясанной вервием. – Надеюсь, добрались удачно?

– Ах нет. В пути ужасно трясло и немного укачало, – съязвил Лис.

Уполномоченный по встрече улыбнулся – по-видимому, он знал, как работает камера перехода.

– Пойдемте, я живу здесь недалеко. – Он был настроен миролюбиво, поэтому как бы не заметил раздражения Лиса.

Мы зашагали через лес, не облагороженный творческой деятельностью гомо сапиенс и потому дышавший вольно и спокойно.

– А неплохо вы тут устроились, – заметил я, любуясь окрестным пейзажем.

– Неплохо, – согласился наш провожатый. – Только скучновато. «Видуху», что ли, прислало бы начальство... а то тоска смертная, хоть подыхай...

– Ага, – с энтузиазмом согласился мой напарник, – и телевизор. Как раз утренние новости сейчас посмотрели бы. Кстати! Что там у нас с новостями?

– Да как сказать... – святой отец замялся и повел плечами, – ситуация, прямо говоря, довольно сложная. Ричарда перевозят с места на место, и где он будет в следующий раз, сказать никто не может.

– Ну хоть какие-то сведения по этому вопросу имеются?

– Сведения? – Наш гид с некоторым сомнением почесал затылок... – Есть тут одно сведение. Как сообщил мой агент, лесные мыши сплетничают о том, что в Ройхенбахе в старой башне содержатся два англичанина. И что привезли их туда совсем недавно.

– Кто сплетничает? – переспросил я.

– Мыши. Лесные. Ну, знаете?..

– А те? – вступил в наш содержательный обмен мнениями Лис.

– А те слышали от полевок.

– А полевам откуда знать? – не унимался Лис. Провожатый наш даже остановился и с удивлением посмотрел на нас.

– Естественно, от городских крыс.

– А... ну, конечно. Как это мне сразу в голову не пришло? – подивился собственной недогадливости Лис.

– А нельзя ли поговорить с вашим агентом? – спросил я.

– В общем-то, конечно, можно... – с некоторой долей скепсиса в голосе произнес монах, – он ждет нас. Вот мы, кстати, и пришли. – За кустами жимолости маячила грубо сложенная из дикого камня часовенка и некое подобие хибары возле нее. Следующий наш шаг был прерван неопределенным скрежещуще-рычащим звуком, от которого моя левая рука сама собой улеглась на рукоять меча, а Лис поудобнее перехватил свой посох.

– Спокойнее, господа! Свои, Гул! – крикнул радушный хозяин. На тропу выковыляло странное существо на кривых ногах, с бочкообразным туловищем, глобально мускулистыми руками и зверской рожей. Рожу особенно красили два клыка, способные заставить удавиться от зависти матерого вепря.

– Это что, местный житель? – с ужасом прошептал Лис.

– Обычный гоблин, – пожал плечами наш проводник, – недоросль, – добавил он почему-то с гордостью.

Он подошел к радостно оскалившемуся монстру и стал чесать его за длинным мохнатым ухом. Черные обсидиановые глаза страшилища вспыхнули жутковатым блеском.

– Да вы не волнуйтесь, он добрый. И страшно любит, когда его чешут за ухом. Попробуйте!

– Нет, спасибо. В другой раз. – Лис был настроен куда миролюбивее, чем в момент встречи. Его слова прозвучали стопроцентным обещанием непременно в следующий раз почесать за ухом этого «недоросля».

– Как хотите.

– Да, вернемся к нашему агенту, – пресек я затянувшуюся трогательную встречу.

– Да вот же он! – Святой отец нежно погладил гоблина по костистой макушке.

– Кто – он?

– Он. Агент.

– Чей агент?

Мы недоуменно уставились друг на друга.

– Давайте внесем ясность, – после продолжительной паузы заговорил Лис. – То есть вот это... То есть, простите, вот этот достойный гоблин... является нашим... То есть вашим... То есть агентом Института? – Со связной речью у него явно не ладилось.

– Ну да, – монаха заметно раздражало наше непонимание, – я нашел его в пещере, совсем маленьким. Вырастил, выкормил. Теперь он агент незаменимый – с любой тварью беседует и от лишних глаз бережет. – При этих словах гоблин, с позволения сказать, улыбнулся, обнажая ряд кинжалообразных зубов.

– Убедительно, – произнес я. – Ладно, с агентом разобрались. Что там англичане?

Монстр разнообразно загугукал, совершая при этом непристойные телодвижения. Святой отец вдумчиво наблюдал за этой ужасной пантомимой.

– Англичан двое. Один – молодой гигант, другой – почти старик. Приехали недавно, содержатся в старой башне. Кроме них, в башне стражники – больше четырех, но меньше восьми.

– Откуда такая точность в подсчетах? – поинтересовался я.

– Крысы не умеют загигать пальцы.

– А как он узнал, что это англичане? – спросил Лис.

Гоблин насупился и протяжно гукнул.

– Они пахнут, как англичане, – перевел отшельник.

– Ну что, Лис? – обратился я к своему напарнику. – Пока что это единственная имеющаяся у нас зацепка. Будем разрабатывать эту версию, авось что-то и выйдет... А далеко этот Ройхенбах?

– Да нет. Полдня лесом, а там по дороге... В общем, к закату поспеете. Да вы не волнуйтесь – лошади и снаряжение готовы, сейчас потрапезничаем – и в путь. Гул вас проводит до дороги.

И мы таки отведали приготовленных специально для нас деликатесов. Наш гостеприимный хозяин все время порывался сообщить нам пикантные подробности местной кухни:

– Вначале разрежьте зайца вдоль грудины, а если он забит недавно – день-два тому назад, – не мойте его, а сразу положите жариться на открытом огне хорошо разожженных углей или на вертеле.

– Хорошо-хорошо, – пытался пресечь я словоизлияния нашего постника.

– Нет уж, раз уж на то пошло, пусть продолжает, – устало возразил Лис, заливая рассказ монаха жутким пойлом, один запах которого был способен свести в могилу районное общество трезвости.

Однако всему хорошему на свете приходит конец, и наш обильный завтрак, грозящий перейти в ранний обед, благополучно завершился. Вернувшийся откуда-то Гул одним изящным движением лапы смел остатки пиршества в свою ямообразную пасть и довольно заурчал.

– Ну что ж, в дорогу, друзья мои! – воскликнул расчувствовавшийся отшельник, молитвенно складывая руки.

Судя по тому, как он растрогался прощанием с нами, он таки успел хорошо приложиться к источнику живительной влаги, столь обильно потребляемой Лисом.

– По коням! – сам себе скомандовал Лис; и наши Буцефалы резвой рысью припустились вслед за гоблином.

Дорога, которую избрал для нас Гул, была мало приспособлена для верховой езды. Большую часть пути нам приходилось спешиваться и вести коней в поводу. Гоблина эти неудобства ничуть не смущали, и он с завидным проворством перемахивал через стволы поваленных деревьев, кучи замшелого валежника и хитросплетения корней. То и дело он пропадал и снова появлялся то справа, то слева, то впереди нас, плотоядно гавкая. Похоже, обязанности проводника он успешно совмещал с продолжением завтрака.

– Где тебя носит нечистая, Гул?! – крикнул Лис, в очередной раз цепляясь плащом за сучковатое поваленное дерево.

– У-У-Р-р! – раздалось едва ли не под ногами моего напарника, так что от неожиданности он отпрянул. Из кустов выглядывала довольная рожа Гула со свежееубиенной крысой в зубах.

Внезапно гoblin насторожился, уши его встали торчком, крыса выпала из оскалившейся пасти.

– Э-э! Ты чего? – занервничал Лис. – Ешь свою крысу на здоровье, я ж только спросить хотел...

Но крыса гоблина, похоже, уже не интересовала. Он попятился, с недоуменно-испуганным видом прячась обратно в кустарник. Наши кони захрапели и встали на дыбы, пытаясь вырваться.

– Да что ж это такое? – раздраженно начал было Лис, безуспешно пытаясь успокоить своего скакуна.

Слова моего напарника удивительно громко прозвучали во внезапно наступившей неправдоподобной тишине, но фразу закончить он не успел. Высокий свистящий звук, нарастая и ширясь, заполнил собой весь лес. Едва не теряя сознание от боли в ушах и пытаясь удержать взбесившихся коней, мы силились понять смысл происходящего, когда звук, достигнув немыслимо высокой ноты, так же внезапно оборвался. В полнейшей тишине и безветрии мы потрясенно наблюдали, как склонилась к земле и пошла волнами трава, затрепетали и буквально зазвенели листья на деревьях и все видимое пространство озарилось пылающим серебристо-белым сиянием.

Что-то непостижимо-прекрасное, оставляющее смутное ощущение мощи и невесомости одновременно, ослепительным метеоритом пронеслось мимо нас дальше в лесную чашу. В глубине леса раздался глубокий чарующий звук, отдаленно напоминающий флейту и валторну.

Все замерло. В мире не осталось ничего, кроме этого звука. Меня заполнило непонятное томящее душу чувство. Я почувствовал себя мельчайшей частицей некоей вечной и могущественной стихии, неизъяснимая мощь которой, пронизывая меня, дарила жизнь всему сущему.

Тут звук оборвался. Лошади мгновенно успокоились и стали как ни в чем не бывало обмахиваться хвостами, отгоняя мух.

– Свят-свят-свят. Что это было, Капитан? – ошеломленно обратился ко мне Лис.

– Понятия не имею, – честно признался я.

– Единорог. Брачные игры единорогов, – услышал я вдруг за спиной низкий незнакомый голос.

Я резко обернулся, выхватывая меч. Не люблю, знаете ли, когда у меня за спиной раздаются низкие незнакомые голоса. За нами никого не было. Точнее, никого, кроме Гула.

– Что ты там скрежещешь, жертва генетического геноцида? – раздраженно пробурчал Лис, пытаясь освободить наконец свой плащ от проклятого сучка.

Порой мой друг бывает груб и несдержан. На его счастье, гоблин не был знаком с биологической терминологией.

– Он говорит, что это был единорог.

Лис удивленно воззрился на меня:

– Ты что, его понимаешь?

– Похоже, что да, – с немалым удивлением отметил я.

Треск разрываемой материи сопровождал мои слова.

– Черт побери! Хороший был плащ, – выругался мой досточтимый спутник Рейнар.

Глава третья

*Здесь каждый играет в свою игру.
Наставление по игре в драконий покер*

«Европа в большом долгу перед римскими военными инженерами, – размышлял я в то время, как наши кони мерной рысью гарцевали по дороге легионов, все еще сохранившей остатки былой проходимости. – Интересно, далеко бы ушла цивилизация, не доведись ей пользоваться такими хорошими дорогами?»

– Скажи мне, Капитан, – нарушил молчание Лис, скакавший рядом, – вот сегодня у нас новое задание. Сегодня мы вломились в мир, в котором все шло своим чередом, чтобы устроить тарарам и цирк с конями. Скажи мне, Капитан, кому и зачем это нужно?

Не знаю, то ли окрестные пейзажи располагали к патетике, то ли выпитое с утра горячительное наводило на мрачные мысли, но мой напарник был на редкость задумчив и, я бы даже сказал, печален.

– Ты же знаешь, стабилизация ноосистем, фокусирование цивилизационных процессов этногенеза... – начал было я.

– Да ладно, будет тебе эту муру втирать. Ты лучше скажи, вот мы два этаких Джеймса Бонда с лицензией на убийство решаем вопросы, которые ни к тебе, ни ко мне не имеют ни малейшего отношения. Ты когда-нибудь думал о тех, кого завтра положишь?

Загадочная славянская душа Лиса неумолимо делала свое дело – запутывала проблему до ее полной нерешаемости. Попытки проверить алгебру гармонией и наоборот время от времени доводили моего друга до приступов мистицизма и черной меланхолии. Я же с грустью думал, цитировать ли Лису выдержки из Льежской конвенции, хотя ее-то он знал не хуже меня.

Честно говоря, время от времени я тоже задавался подобными вопросами, но, в конце концов, попав сюда, мы сами становимся частью этого мира и задачи решаем для этого мира естественные и понятные, более того, принятым в этом мире способом. А то, что ставятся они в стенах нашей странной конторы, – так это, пожалуйста, обратитесь к разработчикам хронополиорбической теории цивилизации, а не к нам – исполнителям. Как говорит старина Зеф: «Есть такая работа – делать историю».

– А, черт! Монаха нам в начале дороги не хватало! – прервал мои размышления Рейнар из Гайрена, моментально забывая о тягостных метаниях своей загадочной души.

Далеко впереди, ярдах где-то в ста, дорога расходилась в разные стороны. Вросший в землю покосившийся крест, одиноко высившийся у развилки, напоминал путникам о необходимости упомянуть Господа с благодарностью на путях своих. У подножия креста, погруженный, видимо, в благочестивые размышления, сидел человек в одеянии цистерцианца.

– Мир тебе, святой отец, – приветствовал я.

– И вам мир, добрые путники. Куда путь держите?

Говоривший едва ли перешагнул двадцатилетний рубеж. «Послушник из какого-нибудь ближнего монастыря», – подумал я.

– Дружище, какая из этих дорог ведет в Рейхенбах?

– Ройхенбах, – поправил юноша, – вот эта. Через три лиги увидите Кадельсдорфский монастырь, оттуда дорога повернет налево, до берега Везера еще пару лиг, а там и сами увидите.

– Благодарим вас, отче. Быть может, проводить вас до аббатства? Дорога беспокойна.

– Что мне опасности, угрожающие брэнному телу моему? Сказано ибо: «Вы не заточены в свои тела, и вас не удержат дома и поля. Все, что есть Вы, обитает над горами и странствует с ветром. Это не тварь, что выползает на солнце погреться или роет ходы во тьме,

чтобы укрыться от опасности. Но нечто свободное, дух, который объемлет земли и движется в эфире».

От неожиданности я нервно дернул поводья:

– Святой отец цитирует Мудрого Джебрэна?

Брови послушника поползли вверх.

– Господин рыцарь читал труды отца левантийской премудрости?

– Это не странно. Я многие месяцы провел в местах, где строки Пророка у всех на устах.

Но услышать Джебрэна здесь?

– Если угодно вашей милости, я смиренный послушник обители святого Салюстия в Мюнстере, где состою писарем при канцелярии его преосвященства епископа Арнульфа. Труды святых отцов я обучен каллиграфии, языку алеманов и франков, а также латыни, греческому и арамейскому, левантийскому наречию и той дикой смеси саксонского, романского и валийского наречий, на которой говорят по ту сторону пролива. Храни их Господь. По повелению его преосвященства я переводил множество рукописей, привезенных из знаменитой Александрийской библиотеки. Так по малости своей и я отхлебнул толику премудрости из чаши предвечного знания.

– Что же делает светило учености в здешних лесах? – вмешался в наш разговор дотоле молчавший Лис.

– Господин епископ изволил направить меня с письмом в Кадельсдорфское аббатство...

– Что ж, у него гонца конного не нашлось?

– Нет, почему? Но после того, как настоятель, отец Гонорий, умер, упокой Всевышний его душу, его преосвященство сомневается, остался ли кто-нибудь в аббатстве, разбирающий латинские письмена.

– Ничего себе почта, – усмехнулся Рейнар, – сам пишешь, сам относишь, сам читаешь.

– Сейчас обратно в Мюнстер?

– Ах, господин рыцарь, если бы вы знали, как не хочется мне туда возвращаться. Всю жизнь свою я мечтал странствовать, наблюдая разные земли и изучая нравы народов, о коих только читал, и тех, о коих еще никто не написал ни строки. Но с детских лет я воспитывался у святых отцов, я не знаю мира, у меня нет ни дома, ни семьи, нет даже медного гроша, чтобы заказать похлебку в придорожной корчме. Я живу милостыней и не ведаю иной жизни. В тот час, когда вы застали меня, я молил Господа открыть мне пути моего предназначения.

– Скажи проще, – подвел итоги Лис. – К монахам возвращаться неохота, а денег нет.

Обескураженный столь циничным выводом, экзальтированный юноша запнулся на полуслове и беспомощно посмотрел на меня, как бы ища понимания и защиты.

– Прости моего друга, он груб, но все же говорит временами дельные вещи. Твоя душа принадлежит миру, а не матери нашей церкви. Да, в миру не обойтись без денег. Увы, мой друг. – Я скорчил подобающую случаю рожу.

– Что ты втираешь, – пробормотал Лис, – послушал бы ты себя, что ты несешь!

– Что ж, ступай в мир! – закончил я свой страстный монолог, удовлетворенно глядя, как умиротворенный покой отражается на лице юнца. – Рейнар, погляди, есть ли что-нибудь пристойное для такого молодца?

– Пристойное? Пожелание доброго пути. – Лис был явно не в духе. Что, впрочем, случилось с ним всегда при необходимости расставаться с деньгами.

– А из одежды?

– Он и так одет, не голый же...

– Эту одежду я у него покупаю! – Я стойко держал патетическую ноту.

– Что ты делаешь?

– Покупаю. Эту сутану, вервие, чернильницу, набор перьев и все прочее, что может найтись. Как ты думаешь, пять серебряных монет хватит?

При этих словах Лис едва не вывалился из седла.

– Капитан, скажи, пожалуйста, что я ослышался. Все это тряпье и все эти финтифлюшки стоят три медяка вкупе с благословением. Если ты намерен подобным образом заботиться о развитии здешнего просвещения, то бюджета Института надолго не хватит.

Я выразительно посмотрел на напарника, и тот, уловив наконец в моих глазах некий тайный смысл свершаемого действия, несколько поостыл.

– Пристойное? Ну, из твоей одежды ему, понятное дело, ничего носить не пристало. А из моей? Учитывая, что он на полторы головы ниже меня и на треть уже в плечах, ближайшее воронье пугало в сравнении с ним будет выглядеть сельским франтом. Хочешь, я, как святой Мартин, отрежу кусок своего плаща, чтобы бедолага прикрыл наготу? – Лис тщетно пытался подладиться под мою ноту.

– Зачем, лучше отдай весь плащ. Он у тебя все равно рваный.

Лис смерил меня недобрым взглядом.

– Капитан, я надеюсь, ты знаешь, что делаешь. На, приятель, – обратился он к монашку, заворуженно следившему за нашей перепалкой, – носи на здоровье. Да, вот еще... – Рейнар тронул поводья, и конь нетерпеливо забил копытом. – Если вдруг тебе придет в голову светлая мысль явиться местному рейнскому казачеству чудом спасшимся Фридрихом Барбароссой и поднять народ на кровососов-угнетателей, то не премини благодарно вспомнить этот плащ, ежели тебе вдруг доведется нас вешать.

Юноша, которого изрядно потрясла происшедшая метаморфоза, обалдело глядел на моего спутника, поровшего какую-то несусветную чушь.

– Ты это о чем, Рейнар?

– Да так, к слову пришлось. Пугачева вспомнил. Вот, как говорится, еще одно тело спасено для мира. Ступай же и не грши. Без нужды, – миролюбиво добавил Лис.

Глава четвертая

Что-то подозрительно много совпадений.
Винни Пух

Единственная в Ройхенбахе гостиница носила странное название – «Императорский рог». На обшарпанной вывеске была изображена усекновенная голова государя, увенчанная тем, что, по мнению художника, должно было знаменовать корону. Голова трубила в охотничий рог, причем, судя по щекам, некий злоумышленник, пользуясь вышеуказанным музыкальным инструментом, явно пытался надуть бедного монарха подобно воздушному шару.

Можно было поставить золотой солид против дохлой крысы, что если бы вдруг нелегкая занесла наместника Господа по административно-хозяйственной части в этот забытый Богом угол, то голова кабатчика не отягощала бы себя более заботами о бренном теле.

Пока же объемистый обладатель этой головы бодро сновал между бочонками, заменявшими столики. В черной части, помогая трем толстушкам, в которых без труда можно было угадать его дочерей, разносить оловянные кружки с пенным пивом и рыбные закуски. Их внушительные габариты служили лучшей рекламой прелестям здешней кухни.

Пиво я не любил с детства, но уже через пару часов мог подробно объяснить, что же именно скрывалось под витиеватыми названиями подаваемых блюд. Насытившись, я с некоторой тоской наблюдал за выводком молодых лоботрясов, неуклюже пристававших к дочерям кабатчика. Девушки деланно сопротивлялись, бросая на нахалов обнадеживающие взгляды. Внезапно мое внимание было привлечено появлением нового действующего лица. Лицо вместе со всем, что полагается иметь в боекомплекте, спускалось вниз по скрипучей лестнице, и ступени ее прогибались под тяжелыми шагами.

– Друг мой Лис, отвлечись от бедной форельки и обрати внимание на этого джентльмена. Будь я режиссером самодеятельного театра, я бы непременно пригласил его на роль командора.

Лис неохотно прервал свою трапезу и воззрился на вошедшего. Телосложение «командора» более всего напоминало вывернутый пень векового дуба, втиснутый в потертую кожаную куртку. Голова, возвышавшаяся над пнем, служила мощным продолжением шеи без всякого заметного перехода. Судя по надбровным дугам вошедшего, его благородные предки явно были созданы за день до Адама. Он обвел зал взглядом, заставившим поперхнуться какого-то парня, и жестом подозвал к себе хозяина.

– Чего изволит господин купец? – Живо подскочивший кабатчик склонился в поклоне настолько, насколько позволяло его объемистое брюхо.

– Накрой стол для меня и моей жены! – тоном, не допускающим промедления, рявкнул «господин купец».

– Ваша очаровательная супруга осчастливит нас... – начал было витиеватую фразу хозяин заведения, но натолкнулся на выразительный взгляд своего клиента и поспешил сменить тему: – Надеюсь, общество господина рыцаря и французского менестреля вас не побеспокоит?

Купец смерил нас долгим подозрительным взглядом.

– Ладно, – произнес он со скрытой угрозой, – пусть едят.

– Интересно, чем торгует этот почтенный маркитант? – с живым интересом осведомился Лис, глядя в обширную спину удаляющегося торговца.

– Сейчас уточним... Эй, милейший! – обратился я к хозяину, суетливо хлопотавшему у нашего стола. – Кого это ты нам подсунул?

– Фризский купец, ваша милость. С их супругой.

– Я представляю себе эту супругу. Если ты посадишь их на один конец лавки, боюсь, мы проломим головами потолочные балки.

– Ну что вы! Она прекрасна, как солнечный день, но только послушайте моего совета, – хозяин перешел на шепот, – постарайтесь даже взглядом не задерживаться на ее прелестях.

Мои брови удивленно поползли вверх.

– А вот и она сама! – тихо сказал хозяин.

Я перевел взгляд на лестницу, ведущую на второй этаж, и едва не поперхнулся. «Это купчиха?!» В нашем веке агентства фотомоделей вели бы кровопролитные бои за один ее благосклонный взгляд, а какой-нибудь монарх заложил бы свою корону за возможность чеканить ее профиль на золотых монетах. Между тем волшебное видение, сопровождаемое медведеобразным спутником, грациозно спустилось к нашему столу, отвечая благожелательной улыбкой на наш почтительный поклон. Глаза ее супруга полыхнули мрачным пламенем.

– Да он ревнивец, каких мало! – пробормотал Лис, который вопреки всем предупреждениям хозяина обалдело созерцал сидящую рядом красавицу.

– *Да, и поэтому перейди на канал связи,* – как бы случайно притрагиваясь к груди, посоветовал я своему напарнику.

О, это чудо современной микроэлектроники, плод работы гениев биофизиков, творение корифеев визионной техники! Символ веры, висевший на груди у меня и у Лиса, был напичкан электроникой не хуже ВЦ Королевского Научного Общества. Связь, обеспечиваемая им, была уникальной.

Лис внял моему предупреждению, и по мыслесвязи пошла длинная тирада о том, как украсили бы чело этого выроodka троллей ветвистые рога и что психология прекрасных дам есть вещь темная и анализу трезвого разума не поддающаяся.

На улице вечерело. В залу, освещенную колеблющимся светом факелов, бочком втиснулись трое малокровных личностей со следами одухотворенности на лицах и музыкальными инструментами в руках.

– Сейчас будут танцы, – предположил Лис и не ошибся в своих прогнозах.

Приободренные визгливыми звуками, издаваемыми местным джаз-бандом, парни наперебой устремились к немногочисленным представительницам прекрасного пола, норовя вовлечь их в веселый танец. Рослый белобрысый детина, слывший, видимо, здесь первым парнем на деревне, проворно подскочил к нашему столу и с провинциальной галантностью протянул руку купчихе.

Купец поднялся. Его кулак с хрустом врезался в челюсть наглеца. Снаряд, попавший в голову бедняги, не произвел бы больших разрушений. Челюсть, стремительно рванувшаяся к выходу, увлекла за собой уже безжизненное тело. Пролетев через весь зал, оно рухнуло в самую гущу танцующих. Веселье мгновенно стихло. Парни побросали своих истошно завизжавших подруг и с возмущенными возгласами стали окружать наш стол.

– А танцы все-таки были бы лучше, – перекидывая ногой лежавший под столом посох себе в руку, пробормотал Лис.

Круг разъяренных парней сужался. Купец обвел наступающих взглядом, не сулившим им ничего хорошего, вытащил из-под куртки серебряный свисток и свистнул. Четверо молодцов, которых можно было бы принять за его детей от первого брака, словно ожидавших сигнала, появились за спиной наступающих. В руках у каждого была увесистая дубина. Не говоря ни слова, они принялись раздавать удары направо и налево, расчищая дорогу к своему господину.

– *Клянусь шпорами святого Георгия! Если этот господин – купец, то это – его приказчики,* – услышал я голос Лиса по мыслесвязи.

– *Возможно, ты и прав, но только эти молотилы отчего-то не кажутся мне местными рыбаками!*

Пришедшие в себя после первого натиска местные женихи довольно ловко уклонялись от ударов. Кое у кого в руках уже сверкали кинжалы.

– Не возражаете, если мы вам немного поможем? – обратился я к своему соседу, все менее напоминавшему мне мирного купца. – Лис, ты больше не будешь эту форельку? – задал я некорректный вопрос напарнику, удачно запуская блюдом в голову ближайшего противника.

– Сарынь на кичку! – не слушая моего вопроса, издал свой любимый боевой клич Лис и ясным соколом взвился на стол, опрокидывая оставшиеся метательные предметы.

– Аккуратнее, Лис, тут еще есть вино! – И я залпом опустошил увесистый кубок, едва не сбитый Рейнаром, а затем послал его вслед за блюдом.

Посох Лиса вычерчивал в воздухе замысловатые петли и круги. Какой-то смельчак, пожелавший поближе рассмотреть, что бы это значило, уже лежал с разбитой головой около стола. Все было нормально – мужчины от души забавлялись дракой, женщины визжали, кабатчик сновал меж дерущимися, с причитаниями стараясь извлечь из-под ног дерущихся опрокинутую посуду.

Неправильно вела себя одна «купчиха». Она спокойно стояла, прижавшись к стене, и хладнокровно наблюдала за схваткой. Дело принимало опасный оборот. Несколько безжизненных тел уже валялось на полу, мешая маневру.

– Отступление не есть бегство! Отступаем навверх, приятель! – крикнул я купцу, перехватывая чью-то руку с кинжалом у своего горла.

В знак согласия купец подхватил стол, которым при случае можно было бы заменить ворота небольшого замка, и ухнул его в самую гущу нападающих.

– Позвольте сопроводить вас навверх, сударыня! – Одна моя рука обхватила тонкий стан красавицы, вторая обнажила меч.

Подступившие было молодцы отпрянули. Обнажить благородное оружие в подобном месте было верхом неприличия, но, похоже, мои противники хорошо осознавали, что может натворить рыцарь с этакой штуковиной в руках. Брошенный кем-то кинжал со звоном отлетел в сторону, столкнувшись с моим клинком.

– Назад! Назад, ублюдки! В труху искрошу!

За моей спиной раздался тихий шорох. Перемахнув через перила, Лис занял подобающее ему место, прикрывая мой тыл.

– Ко мне, Бренд! – подала голос дотоле молчавшая «купчиха». Нежный супруг прелестницы с явной неохотой отпустил горло очередной жертвы, чье тело, полегчав на целую душу, рухнуло к его ногам.

Краем глаза я отметил, что оно попало в хорошую компанию. Как ни в чем не бывало Бренд переступил через распростертые тела и в пару шагов преодолел расстояние, разделявшее нас.

– Рад видеть тебя в добром здравии, приятель. – Посох Рейнара опустился на чью-то макушку, показавшуюся над перилами лестницы. Макушка исчезла, но тотчас же появилась вновь. – Экий ты настырный, дружок! – Страшное оружие моего напарника тут же вновь устремилось к цели.

– Это мой человек. – Мелодичный голос красавицы, удобно расположившейся за моим плечом, звучал так буднично-спокойно, как будто она попросила Лиса отдернуть штору.

Пополнившись еще одной боевой единицей, наш маленький отряд медленно отступил навверх. Пользуясь временным затишьем, спутники таинственной незнакомки разительно преобразились. Не успел местный священник прочесть отходную по тем, чей ужин сегодня был последним, как эта сладкая парочка предстала пред наши взоры в виде, вполне для нее подобающем, но мало согласующемся с моими представлениями о торговле.

Могучие торсы спутников красавицы обтягивали превосходные испанские кольчуги. Талия Бренда, точнее, то место, где обычно бывает талия, была охвачена широким поясом из

буйволово́й кожи, на котором в дорогах ножнах висел тяжелый норманнский меч. Короткое копье и небольшой круглый щит довершали его «купеческий» наряд. Экипировка «приказчика» была попроще. Вместо меча у него красовался длинный кинжал, а в руках он держал славную кавалерийскую секиру.

– Вы что, собираетесь развязать здесь небольшую войну? – любезно осведомился я.

Тяжелый взгляд был ответом на мой вопрос.

– Почему вы мне помогаете? – Вмешательство прекрасной дамы лишило Бренда возможности ответить на заданный мною вопрос. Впрочем, он и не проявлял к беседе особого рвения.

– Во-первых, под угрозой была жизнь и честь столь очаровательной леди. – Наградой за этот ответ была обворожительная улыбка, способная заставить замурлыкать льва. – Во-вторых, вас было пятеро против двух дюжин головорезов...

– А в-третьих, реши бы мы соблюдать нейтралитет, нас бы попросту затоптали в пылу схватки, – вмешался Лис.

В дверь ударили чем-то тяжелым.

– Ну! Дело еще не кончено! – Лис поудобнее перехватил посох и потянул его в разные стороны. Бритвенно-острое лезвие ниндзя-то хищно сверкнуло в полумраке комнаты. Дверь снова затряслась от ударов, но петли и засовы еще держали.

– Самое время познакомиться, не правда ли, сударыня? Я – Вальдар Камдил сьер де Камварон. Моего друга зовут Рейнар Л'Арсо д'Орбиньяк, славный менестрель из Гайрена. И поет он не хуже, чем сражается.

Тяжелый удар вновь обрушился на дверь. Красавица молчала, думая, казалось, о чем-то своем.

– Да! Вот еще! Если вы собираетесь рассказать нам сказку о купце и его супруге, то мы с другом разворачиваемся и уходим.

– Я – леди Джейн Эйстон, маркиза Венджерси, супруга лорда Томаса Эйстона, камерария короля Ричарда...

Повисшую в комнате тишину прервал новый удар в дверь.

– Сударыня, нам нельзя больше оставаться здесь. Германцы строят с похвальным тщанием, но даже такая дверь выдержит еще не более десяти ударов. Вам надо спастись.

Мои слова, полные прелестной рыцарской куртуазности, на деле имели второе дно. Спасаться надо было нам всем. Если бы дело касалось только нас с Лисом, все было бы куда как проще. Окно комнаты, прикрытое сейчас ставнями, выходило в сад, примыкавший вплотную к конюшне. Когда бы нашим незваным гостям удалось выбить дверь, им бы осталось только горестно повторять про себя: «От топота копыт пыль по полю летит», но... Это прелестное «но» стояло за спиной своего псевдомужа, и в ее тонкой ручке недвусмысленно поблескивал изящный стилет, от удара которым не спасала никакая кольчуга. Юная леди была бледна, но я уже встречал такую бледность и готов был биться об заклад, что багровый лик ее спутника сулит куда меньшие неприятности.

– Я леди Джейн Эйстон, – медленно повторила она, – и я приехала для того, чтобы спасти своего супруга. Я это сделаю, даже если мне придется стереть этот мерзкий городишко с лица земли.

– Городок, ваше сиятельство, пусть стоит себе, как стоял, а в предприятии этом мы с Рейнаром будем рады вам помочь. Мы здесь почти по той же причине. Нам нужен господин вашего мужа.

– Король Ричард?

– Надеюсь, у маркиза нет другого господина? – Я продолжал свои упражнения в изящной словесности.

Красавица отрицательно покачала головой.

– Кстати, друзья, вам не кажется, что нас перестали штурмовать? – Лис разочарованно вернул клинок в прежнее положение.

– Вряд ли. Скорее решили сменить тактику. В любом случае мы об этом непременно узнаем. – Робкий стук в дверь сопровождал мои слова.

– Господа, господа... – В голосе трактирщика слышалось сдерживаемое рыдание. – Сжальтесь, господа.

– Нет проблем, – вступил в чрезвычайные переговоры Лис. – Какие трудности?

– Они сожгут мою гостиницу, если вы не выйдете. Сжальтесь, я всего лишь бедный трактирщик. У меня четверо детей. Дочери на выданье. Я не хочу воевать. Я не возьму с вас денег за сегодняшний ужин. – Хозяин заведения начал нести откровенную околесицу.

– А мы что, пожарная команда? – Остроумие моего напарника достигло критической отметки.

– Эти сожгут... – согласился я с трактирщиком, подходя к окну и убирая ставень.

– Сожгут, сожгут, и сомневаться тут не приходится, – приободрил публику славный гайренский менестрель.

– Что вы намерены делать? – Голос маркизы звучал нежно, но властно. Видимо, наши словоизлияния ей были не по нраву.

– Во-первых, начать переговоры...

В комнате повисло гнетущее молчание. В какой-то миг стало слышно, как по темным углам стремительно маршируют тараканы. Лицо прекрасной маркизы пылало гневом.

– Я дочь и жена рыцаря и не намерена вступать в переговоры с какой-то шайкой холопского отребья.

В этом я не сомневался. Ни в одном, ни в другом. Судя по взглядам ее спутников, в единомудушном их желании продолжить прерванное развлечение тоже не было сомнений. Не знаю уж, как там Дарвин со своей бредовой теорией, но эти люди были явными предками бульдогов. И все же, что там ни говори, на стороне маркизы был неоспоримый перевес в один голос. Я всегда был противником демократии в критических ситуациях. Пора было брать командование на себя.

– Сударыня, если вас это хоть как-то утешит, то мы имеем дело с профессиональными солдатами.

Вновь воцарилось молчание. За дверью жалостно поскуливал кабатчик.

– Эй, милейший, – окликнул я бедолагу, – пусть сюда придет их начальник. Мы будем вести с ним переговоры.

На лестнице за дверью послышался дробный топот башмаков убежавшего толстяка.

– Почему вы решили, что это солдаты? – спокойно осведомилась прекрасная леди.

– Это ясно, как Божий день. Только солдаты едят, быстро запихивая в себя большие куски мяса. Они пьют, как солдаты, не считая денег. Они дерутся, как солдаты. Не правда ли, коллега? – призвал я в свидетели угрюмо молчавшего Бренда.

Похоже, освобожденный внезапным раскрытием инкогнито от обременительной обязанности разговаривать незадачливый телохранитель с наслаждением молчал. Привлеченный моим вопросом, он проделал судорожное мозговое усилие и медленно кивнул.

– А кроме того, – вставил Лис, который уже, кажется, понял мой план, – местные жители не стали бы палить единственный в городке постоялый двор.

– Хорошо, – задумчиво произнесла леди Джейн. – Пусть это будут солдаты. Что из этого следует?

– Из этого следует несколько вещей. Первое – они упорны, как быки, и даже за спасение души не откажутся от своего замысла добраться до нас.

– Увы, это меня вовсе не радует.

– Напротив. Но я продолжаю. Второе. Как истинные вояки, они, во всяком случае, те, кто поопытней, признают два военных развлечения: хорошая драка и долгие переговоры. В этот момент они чувствуют себя вершителями судеб. Первое, по милости нашего мужественного друга, – я кивнул в сторону Бренда, – они уже имели. Кстати, позвольте выразить свое восхищение. Давно не получал такого удовольствия от демонстрации веских доводов.

Лицо лжекупца выразило не более эмоций, чем если бы я рассказывал ему о бое Майка Тайсона с Джеймсом Смитом.

– Сейчас самое время для переговоров. Вряд ли кому-нибудь из них приходилось участвовать в них самолично, теперь им выпадет редкостный шанс почувствовать себя великими полководцами.

В подтверждение моих слов в дверь забарабанили.

– Барин почивать изволят, не велели беспокоить, – тут же отозвался Лис.

– С кем имею честь? – Я перешел на высокий штиль.

– Я Готфрид из Вейлера, латник герцога Лейгонбургского.

«Вот и первые орлы прилетели, – передал я Рейнару по мыслесвязи. – Сие есть дядюшка государев, дивный, должен тебе заметить, тип».

– Обладаешь ли ты званием, достаточным для переговоров с имперским князем? – Что-то часто за последний день мне приходилось испытывать свои пиитические способности.

Лис ошалело посмотрел вокруг.

– *Капитан, ты это о ком?*

– *Спокойно, Рейнар! Блефовать так блефовать. Пусть проникнется.*

За дверью напряженно молчали.

– Итак, как вы сами слышали, это солдаты. И не просто солдаты, а солдаты немецкие. – Я был немного разочарован тупостью своих собеседников.

– И что же?

– Это значит, что делать два дела сразу их не заставишь под угрозой казни. Поэтому, пока я буду, как говорит мой друг Рейнар, ездить им по ушам, ваша задача добраться до берега Везера.

– Мой отец был рыцарем, ваша светлость, – почтительно произнес латник.

– А мать – обозной шлюхой, – пробормотал Лис, умело высаживая оконную раму и первым прыгая в сад. Через пару секунд самый опытный наблюдатель не смог бы различить его силуэт в густых сумерках.

– Я маркграф Бурхквард фон Эггенбург, великий сенешаль императора, – продолжил я охмуреж несчастного вояки.

Усвоенная с детства субординация сыграла с рыцарским отпрыском дурную шутку. Банальная трактирная драка грозила перерасти в большие государственные неприятности. Нужный эффект был достигнут. Стоявший за дверью ветеран чувствовал себя отвратительно. Как бравый сержант, обругавший впотьмах командира корпуса. Самое время было развивать успех.

– Латник, что вы делаете в этой чертовой дыре?

– Герцог велел усилить гарнизон замка.

– Так. Кто у вас там главный?

Представляю, какие рожи скорчили кнехты. Да! Глупые, должно быть, рожи были у собравшихся внизу у лестницы, и мысли наверняка были невеселые. Одно дело – купец заезжий с женой-красавицей. Такому, глядишь, и мошну порастрясти можно, а то вдруг и с женой его, непонятно уж как такому пню неструганому доставшейся, порезвиться... ан нет! Неудача вышла пресквернейшая.

Императорский сенешаль. Это тебе не рыцарь какой – волчина голодный, утроба ненасытная! Это даже не князь, с которым в общем-то тоже в здравом уме лучше не сталкиваться.

Скажет сенешаль слово веское, моргнет глазом недобрым, и поди гадай: колесом ли тебя потянут, топором ли на части, или, скажем, прокатишься ты напоследок на четверке коней диких да огненных, на все четыре стороны света белого, который в этот миг тебе ох как не белым покажется.

Что и говорить. Невеселые мысли у кнехтов были, очень невеселые. Но мне до их раздумий дела не было. Враг в панике – гони и бей! Не давай опомниться и остановиться. Остановится – задумается: «Что это такая птица без свиты и охраны в здешней глуши делает?»

Ну, это, положим, не их собачьего ума дело, но зачем давать сомнениям зарождаться, когда их можно пресечь в корне. Так, бронзы колокольной в голосе побольше, чтобы «Мизерере»² сама собой в мозги лезла, по рукам и ногам леденила.

– Эй, латник! Кто тут у вас гарнизоном командует?

– Коронный рыцарь Фридрих фон Норгаузен.

– Как, старина Фриц сидит в этом лягушачьем садке?! Вот так встреча!

Сказать по чести, о роде Норгаузенов я знал лишь то, что их герб – в червлении золотая орлиная голова, сопровождаемая тремя гонтами. Этот самый старина Фриц мог оказаться нежным юношей с персиковым пухом на щеках, но очень вряд ли. Коронный рыцарь – это серьезно. Это по-нашему вроде гвардейского капитана. И копьё³ его не из дворовой челяди и крестьян местных. Не меньше двух десятков головорезов. Один к одному. Чего мелочиться? Казна платит. Коронный рыцарь фигура не маленькая. Присутствие его здесь – примета не добрая. Опять же, по нашим сведениям, в замке не больше восьми человек, а тут, как ни крути, их за тридцать получается. Невеселый расклад.

– Послушай, как там тебя?

– Готфрид, ваша светлость.

– Как ты думаешь, Готфрид, спит ли сейчас твой командир?

– Не могу знать, ваша светлость, но если его милость спит, то его заменяют либо рыцарь Арнульф фон Меренштайн, либо барон фон Кетви́г.

«Час от часу не легче, – сам себе вздохнул я. – Еще пара рыцарей – это минимум два десятка бойцов, а может, и все три. Да, влипли мы в историю.

Ничего себе скромный рыбацкий поселок. Ничего себе гарнизон для ветхого замка, где еще месяц назад и пьяный ключник-то не каждый день ночевал».

– *Лис вызывает Капитана*, – услышал я в своем мозгу голос напарника, – *все в порядке. Мы у конюшни. Тут отирается какой-то недоносок. Но это не проблема.*

В этом я как раз не сомневался. Дружище Лис до работы в институте, у себя на родине, занимался весьма интересными вещами: охранял «толстых дядь с большими звездами», уничтожал террористов, освобождал заложников, а в промежутках, для отдыха, выигрывал первенства по боксу, бодзюнцу, стрельбе из лука и кен-до. Очень, знаете ли, разносторонне развитой молодой человек.

– Рейнар, ты слышал наш разговор?

– Конечно, Капитан. Все ясно, как «Отче наш». Их тут пятьдесят—шестьдесят человек при трех рыцарях. Остальные где-то поблизости затаились. Караулят в две смены. В общем, классическая мышеловка.

– На кого, Лис? Нас они тут точно не ждут. Просто на всякий случай? Тоже не похоже. Остается маркиза. Тогда получается, что ее здесь действительно поджидали. С цветами и оркестром.

– Ладно, мессир Вальдер, загадками займемся попозже. Тебя там латник заждался.

² «Мизерере» (лат. Miserere mei, Deus) – Помилуй меня, Господи (католическая молитва).

³ Копье – подразделение из 10–30 человек, сопровождающее рыцаря в бою.

– Да, прости. Значит, так. Минут через пять я выйду с этим несчастным и уеду в сторону замка. Вскоре после этого ты тихо убираешь часового и тихо выводим лошадей! Только тихо, Лис, еще раз говорю.

– Ладно, не учи ученого!

– Дальше вы направляетесь к пристани. Помнишь, когда мы искали брод через реку, там швартовался когг. Я, кстати, когда о купце услышал, подумал: не его ли?

– Узнаем.

– Эта посуда нам понадобится. Замаскируйтесь неподалеку и ждите моего возвращения. Думаю, я не задержусь.

– Ясно, понял. Ну что ж, поехали.

За дверью было слышно, как полномочный представитель честного воинства переругивается со своими соратниками. Слов было не разобрать, но, судя по всему, спор был нешуточный.

– Эй, латник, где ты там?

Спор за дверью прекратился.

– Строй свое войско. Мы направляемся в замок.

Незадачливый сын рыцаря за дверью робко кашлянул.

– Ваша светлость... Зачем всем-то в замок? Пусть ребята отдыхают...

«Что, страшно, уродище? Оно и понятно. Это на пользу. Впредь думать будете, с кем стоит драться, а с кем лучше сделать „ну его“».

– Ладно. Так и быть, Готфрид. Пойдем мы с тобой. Господин купец согласился оплатить вам выпивку. Так что Бог с вами, сидите здесь.

За дверью послышалось тихое ликование. Неотомщенная кровь была оплачена неочищенным спиртом.

Теперь оставалось нехитрое приспособление из палочки, веревочки и грузика. Палочка, втиснутая между досками двери, держала засов в поднятом состоянии. К палочке этой на веревочке грузик привязан – светильня глиняная. Стоит светильня на торце засова. Хорошо стоит. Если дверь не трогать. А если ею, скажем, хлопнуть – светильня упадет и палочку за собой потянет. Засов сам собой закроется.

Ну что ж! И раз, и два, и три. Начали. Мое появление в дверях произвело должный эффект. В зале воцарилась тишина. Воинство, глядя на меня глазами, полными злости и преданности, склонилось в почтительном поклоне. Кабатчик, с лицом, сияющим, как новенький солид, резвой рысью подскочил ко мне.

– Не знаю, как и благодарить вас, добрый господин. Вы спасли мое заведение. Что б я без вас-то?!

– А-а, пустое. На вот, возьми. – Я высыпал в пухлую ладонь хозяина десяток динариев.

Кабатчик утер вновь подступившие слезы рукавом и стал низко кланяться:

– Спасибо вам, благодетель, да как же так?

– Сегодня солдаты пьют бесплатно. Ты понял меня?

– Что вы, ваша светлость! Не извольте сомневаться! Пусть помянут.

Не слушая его слов, я зашагал через залу, сопровождаемый горе-проводником. Понятное дело, ни в какой замок я сейчас не поеду. Это же надо быть слепым нищим, а не коронным рыцарем, чтобы пурпурный крест в терновом венке Эггенбургов от леопардового льва Камдилов не отличить. Но, боюсь, мой провожатый должен был узнать об этом несколько позже.

У конюшни, как и предупреждал Лис, ошивался какой-то молокосос. Судя по всему, тропа войны совсем недавно поманила бедолагу неясным запахом добычи, и, вероятно, тяжелая рука Рейнара могла стать для него первым тернием на этом пути. А пока что ночная сырость делала свое мокрое дело. Бедолага зябко кутался в плащ, переступая с ноги на ногу. Факел,

примощенный возле него, отбрасывал мечущиеся зыбкие тени, освещая лишь самого стражника, делая все вокруг непонятым и устрашающим.

Видимо, отгоняя свои ночные страхи, юнец судорожно сжимал длинный кинжал, возлагая, как водится, на него безмерные надежды в спасении продрогшего тела.

Когда из окружающей тьмы вдруг появился тот самый рыцарь, который давеча в зале четверых нападавших голыми руками в кучу сложил, в глазах воина-первачка не вспыхнуло желание отстаивать конюшню до последней капли крови. Ой, совсем не отразилось. Так он и замер на месте, думая про себя, то ли в темень ночную зайцем прыгнуть, то ли крик поднять.

– Спокойно, Леонард, свои! – с облегчением услышал вчерашний новобранец голос старшего товарища.

– То-то же, что свои. А я гляжу, крадется кто-то в темноте. Хорошо, что обозвались. А то точно бы зашиб.

Я с трудом сдержал смех при этих словах.

– Ты смотри, кого зашибать, дерьмо ты коровье! Это ж сам маркграф фон Эггенбург, императорский сенешаль, – позаботился обо мне латник.

Парень стал неотличимо похож на жену Лота: с открытым ртом и часто моргающими глазами.

– Чего стоишь, дуралей, словно копьё проглотил! А ну быстро выводи коня его светлости!

Бдительный охранник не заставил себя упрашивать и исчез в конюшне. Где-то поблизости зацвиркала цикада. Я посмотрел в ту сторону, откуда доносился звук, и, вглядевшись, различил то, что ожидал увидеть. Неподалеку от ворот конюшни, над забором, отделяющим ее от сада, склонилось старое ветвистое дерево. Одна из ветвей, толстая и причудливо изогнутая, располагалась как раз в ярде над головой караульного. Надо ли говорить, что на ней в вальяжной позе расположился мой верный напарник, практически невидимый в своем темном одеянии.

– Вот ваш конь, ваша светлость. Экий красавец. Эх! Мне бы такого! – Мой вороной жеребец презрительно фыркнул на плебея и встал на дыбы.

– Спокойно, Мавр, спокойно. Дурак ты, парень, чтобы такого коня в узде держать, всей твоей деревни не хватит.

– Если ваша светлость пожелает, я поведу коня в поводу. – Латник почтительно поклонился.

– А ты как думал, Готфрид? Я что – по этакой темени буду шею себе ломать?!

– А и сломал бы – невелика беда, – пробурчал тот, кого мой латник назвал Леонардом.

Сказано это было тихо, но у меня с детства был очень тонкий слух.

– Служи, парень. Нагуляешь себе мозгов, глядишь, дорастешь до коня. – Произнеся эту двусмысленную фразу, я покровительственно опустил руку на плечо горе-стражнику. На неподготовленного клиента подобное действие производило эффект опущенного моста. Мастер Ю Сен Чу, патриарх школы Чжоу И, называл этот удар – Крыло взлетающего лебедя.

Парень издал нечленораздельный звук, долженствующий, видимо, означать удивление, и рухнул на колено. О том, что правая рука еще несколько часов будет слушаться его с большим трудом, я готов был спорить на любые деньги.

Латник весело расхохотался, наблюдая конфуз своего собрата. «То ли еще будет!» – мысленно пообещал я своему провожатому.

– Ладно, Леонард. Иди пей. Скажи, чтобы тебя сменили.

Сам того не сознавая, Готфрид из Вейлера спас незадачливого цербера от крупных неприятностей. А судя по звукам, доносившимся из корчмы, смены караула мы бы не дождались и до утра.

– Веди, Готфрид, – скомандовал я латнику.

Глава пятая

Давно пора посмотреть, что они там делают.
Штирлиц

Чуден Везер при тихой погоде.

Едва-едва первые лучи солнца обласкали нежные лепестки речных лилий, только-только первая проснувшаяся форелька, умывшись, начала свою ежедневную гимнастику, выпрыгивая из воды и радуя взор ранних рыболовов, а доблестный рыцарь Вальдар Камдил, мучительно переживая внутреннюю борьбу голода со сном, уже устало вел своего несравненного коня шагом по речному берегу, заросшему густым кустарником.

Неожиданное движение привлекло мое утомленное внимание. Тяжелый кинжал воткнулся в ствол дерева в дюйме над моей головой. Точнее, там, где она была секунду назад. Уйдя перекатом в сторону, я обнажил меч.

– Доброе утро, Капитан! Не спи, замерзнешь! – услышал я радостный голос Лиса. Мой верный напарник явно был рад своей шутке.

– Дитя малое, – проворчал я, вылезая из придорожной канавы и посылая меч в ножны. – Одежду кто чистить будет?

– А что? По-моему, ты хорош, как майский король!

– А ты как набитый дурак. Ладно, где вы расположились?

– Здесь поблизости. Чудное место. Я отлично отдохнул. Пошли покажу. – Мой напарник явно хорошо выспался.

Ярдах в ста от места нашей встречи Лис остановился и, крепко ухватившись за ветки ближайшего к нему куста, потянул на себя. Куст поддался, и в образовавшийся проем я увидел возок, один из тех, в которых путешествуют состоятельные купцы. Рядом паслись стреноженные кони.

– Здесь тропинка была к рыбачьим сижам, – объяснил Рейнар. – Мы ее слегка расчистили, зеленью закамуфлировали, в общем, неплохо получилось. Как по-твоему?

– Вполне, – похвалил я Лиса за смекалку.

– Представляешь, – продолжал он, – я тут думал, как сделать, чтобы следов от колес не осталось, так эти два динозавра недовымерших выпрягли лошадей, резвенько так возок подхватили и ярдов на двадцать перенесли. Могучие мужики, что и говорить!

– Все спокойно было?

– Да сунулись сюда два рыбака местных... Я тут как раз Бренду и второму – Рону – раны врачевал. Ну, как положено. Стоят они с голым торсом, я их «Rescur Randger» мажу, и тут эти два дураля заявляются. Видел бы ты их рожи!

– И где они сейчас? – Я не на шутку встревожился обилием трупов, оставляемых нашей командой на своем пути. Как говаривал Людовик XIII: «На сегодня – хватит».

– Где? Сидят на берегу, рыбу ловят. Вместе с Роном. Мы, кстати, тут уже чудной ухи наварили. Иди попробуй. Проголодался небось?

Я не заставил себя долго упрасивать. Когда с завтраком было покончено, я уселся на поваленное бревно рядом с Рейнаром и стал полировать клинок куском замши.

– Лучше расскажи, как твои дела? – осведомился Лис.

– Штатно, Сережа, штатно. Поди, там у Мавра в тороке одежда Готфрида из Вейлера.

– А сам он как?

– Привет, правда, не передавал, но, в общем, ничего – жив. В канаве валяется, а может, и в себя уже пришел. Голова-то крепкая. Они тут крепкие на диво.

– Это точно. Вон я Рону по куполу как наверхнул. У другого небось после этого глаза исключительно через грудную клетку смотрели бы, а этот хоть бы что. Только шишка здоровенная.

– Сползал я к замку, – прервал я рассуждения своего друга. – Засада там действительно есть. Человек тридцать. Стоят, правда, плохо, но если не придирается, с первого взгляда не видно. Что еще? А, вот! Недалеко от замка развилка дороги. Одна идет к реке, другая уходит вниз через лес и, видимо, ведет к побережью.

– Понятно. У тебя уже есть план?

– Что-то похожее на план, Лис, пока еще без деталей.

– Хорошо. Что делаем дальше?

– Для начала разбудим остальных.

Я подошел к возку. Но не успел даже поднять руку, чтобы постучать в дверцу, как могучая рука Бренда материализовалась в двух дюймах от моего плеча.

– Доброе утро, почтенный купец, – весело приветствовал я своего недавнего боевого товарища.

– Доброе... – угрюмо произнес он, одаривая меня таким подозрительным взглядом, как будто я сообщил ему о наступившем вчера конце света.

«Как это Лису удастся разговорить подобные бревна?» – невольно пожал плечами я.

– Госпожа, – почтительно произнес телохранитель, – рыцарь прибыл.

– Спасибо, Бренд, – донесся из возка нежный голосок, слушая который невольно восхищаешься всеблагостью Господней. – Ступай.

Неудавшийся негоциант нехотя отошел в сторону.

«Сказать ему о деньгах или не надо? – подумал я, глядя ему вслед. – А, бог с ними. Скажу Лису. Сам пусть разбирается».

Дивное видение выпорхнуло из возка, несказанно выиграв от своей материальности. Роскошные золотистые волосы тяжелой волной ниспадали ей на плечи. Утренний бриз играл непослушными локонами, то открывая, то вновь скрывая тонкие черты ее лица. Утонченной рукой она с изяществом, доведенным до совершенства, отбросила волосы назад. И тут я впервые увидел вблизи ее глаза!..

«Синь неба Палестины, лазурный блеск сапфира – ничто пред этой синью. Их свет пьянит и манит, как звезда, что корабли спасает среди бури. Их свет – глоток воды в час полуденной жажды. Их свет – очаг и кров уставшему в лишениях... О, опахала темные ресниц! Не отбирайте свет животворящий!»

В общем, стоял я дурак дураком, с открытым для приветствия ртом, любясь маркизой, и заготовленные слова медленно скатывались по языку обратно в горло. Стоял, покуда не раздался у меня за плечом сдавленный рык Бренда. Вздохнув поглубже, я низко поклонился, целуя точеную ручку леди Джейн.

– К делу, джентльмены, к делу, моя прекрасная леди. На сегодняшний день мы имеем четырех боеспособных мужчин и прекраснейшую из женщин. Далее – имеется возок, восемь лошадей и, как я понимаю, довольно крупная сумма денег.

Маркиза согласно кивнула моим финансовым выкладкам.

– Я продолжаю. С другой стороны, имеет место быть укрепленный замок с гарнизоном человек в шестьдесят, готовый к торжественной встрече незваных гостей.

– Ну, замок не очень-то укрепленный. Да и люди так себе. К тому же их уже меньше шестидесяти, – вставил свое веское слово Лис.

– Верно. Семерых со счетов можно сбросить. А с тяжело ранеными и все пятнадцать будет. Но только это не суть важно. Замок мы штурмовать не будем.

Мне почему-то показалось, что слова мои несколько расстроили Бренда. Во всяком случае, он как-то странно сжал рукоять своего меча, и гримаса на том месте, где у обычных людей наличествует лицо, выражала неодобрение только что услышанным.

– Да, дорогие мои соратники, штурмов не будет. Для дальнейших действий нам нужен корабль.

– Зачем? – Ангельский голосок маркизы звучал очень по-деловому.

– Для того же, для чего вообще нужны корабли: чтобы плыть на нем.

Глаза леди Джейн метнули холодный пламень, и голубизна их в этот момент была сродни серебристой голубизне лезвия моего меча.

– Клянусь всеми святыми, ни я, ни мои люди никуда не поплывут!

– Так, корабля еще нет, а бунт на корабле уже есть, – съехидничал Лис.

– Сударыня... – осмелился прервать я прекрасную маркизу. – Есть два варианта действия: либо вы пробуете прорваться в замок, и тогда мне только останется сообщить скорбную весть о вашей гибели родным и близким, либо вы будете действовать по моему плану, и тогда, клянусь честью рыцаря, сегодня ночью вы получите своего супруга, а мы, надеюсь, короля Ричарда.

– Ладно. Что это за план? – Голос маркизы не потеплел ни на градус.

– Очень скоро стража хватится, а может быть, и уже хватилась, что вас нет на месте. Вскоре выяснится, что и наша светлость тоже растаяли в утреннем тумане.

– И что же?

– Когг на месте?

– На месте, мессир Вальдар. Когг ганзейский, груз – вино, мед и вся прочая снедь – в том же роде. Порт назначения – Бремен. Экипаж – десять человек.

Соратники удивленно воззрились на Лиса.

– А что я? Так, отошел посмотреть.

– Спасибо, дружище. Что еще?

– На пирсе стражник в будке. Спит, как праведник.

– Стражника надо будет убрать. Но только так, чтобы он мог рассказать, кто его приложил. Послушайте, Бренд, вы можете ударить человека так, чтобы он не сразу умер?

Бренд насупился.

– Понятно. Значит, вся надежда на Рона. Да, кстати, Рон, где там твои рыбаки?

Громила, украшенный впечатляющей шишкой, махнул в сторону, где у дерева сидели два плотно спеленатых аборигена.

– Волоки их сюда, Малыш.

Тот, кого я ласково величал Малышом, нерешительно посмотрел на леди Джейн и, получив подтверждение приказа, двинулся его исполнять. Не прошло и двух минут, как испуганные ройхенбахцы были доставлены на военный совет. Ужас в их глазах свидетельствовал о превратностях сегодняшней рыбалки.

– Ну-ка, ну-ка, любезнейшие, подходите-ка поближе.

Любезнейшие, два явных любителя пива, в ношенной одежде из грубой холстины, робко приблизились ко мне.

– Да вы не бойтесь. Вас здесь не обидят, а если вы согласны нам помочь, еще и денег заплатят.

Рыбаки, обреченно глядевшие на кулаки Бренда, заметно оживились, услышав о деньгах.

– Вы хорошо знаете реку?

– Хорошо, ваша честь! Прекрасно знаем! Выросли здесь! А как же, прекрасно знаем! – перебивая друг друга, затараторили они.

– Тише, не галдите! Мне нужно место на реке, вверх по течению, где мог бы пристать корабль и где бы приличная компания могла приятно провести день, не привлекая чужих взглядов.

Рыбаки задумались.

– Фогинг... – немного неуверенно предположил один.

– Фогинг? – Глаза второго рыбака заметно увеличились. – А что? Неплохое место. Корабль там точно станет. В замке старом – живи не хочу. Вокруг ни одной живой души... Отличное место!

Я с сомнением посмотрел на Лиса: «Брешут, селедка их заешь!»

– Отличное, говоришь? Что ж, может, ты и прав. Это хорошо. Да, вот еще! Забыл сказать. Вы с нами поедете.

При этих словах усы неудавшихся Сусаниных обвисли, как флаги в штиль.

– И если что не так, – продолжил я свою мысль, – старина Бренд с удовольствием посмотрит, какую рыбу можно поймать, если намотать ваши кишки вместо наживки.

При этих словах лицо Бренда исказило некое подобие радостной улыбки, от которой наверняка могло скиснуть молоко на полмили вокруг.

Рыбаки заметно побледнели.

– Ну что, хвост ты щучий, правду скажешь или тебя прямо сейчас рыбам скормить? – Я приподнял бедолагу над землей. – Куда ты нас заманить хотел?

– Там призраки, – прохрипел полузадушенный рыбак, – отпустите, ваша честь, все скажу, как на исповеди.

– Говори! – Я разжал руки, и жертва моего произвола рухнула на землю.

– Это еще мой отец рассказывал. Много лет назад вестфольдинги пришли и осадили замок Фогинг. Оборонял его барон Бернгерд Бесстрашный со своим отрядом. И сколько ни штурмовали вестфольдинги замок, им не удавалось взять его. Только когда последний защитник умер от голода и ран, враги вошли в Фогинг. И тут-то оказалось, что призраки воинов по-прежнему защищают замок. С тех пор он так и стоит, не разрушаясь, все эти годы.

– М-да. Еще что?

– Обычно призраки ведут себя довольно спокойно. Хотя вовнутрь никого не пускают.

– Понятно.

– А вот если поблизости появляется вестфольдинг, то лучше уж находиться подальше от этих мест.

– Это камень в твой огород, мессир Вальдар, – хмыкнул Лис.

– А я туда и не собираюсь. Место для нас, кстати, действительно идеальное. Ни одна живая душа туда не сунется, а дорога проезжая оттуда должна быть.

– Ну, дорога, положим, за эти годы наверняка стала совсем даже непроезжая, – поправил меня Лис.

– Это дело Бренда с Роном. Только поставь им, пожалуйста, конкретную задачу, а то они выкорчуют все окрестные леса.

– Хорошо, Капитан. Что делать дальше?

– Дальше идем смотреть корабль. А ты подумай пока, как будешь разбираться с этим призрачным воинством.

– А что тут думать? Развоплотим – и дело с концом.

– Ну-ну, дерзай. Только ты мне здесь еще живой нужен. Понял, орел?

Через несколько минут наша кавалькада, покинув свое временное укрытие, двигалась к пирсу. Вокруг звонко пели птицы, радуясь утренней свежести, а в голове моей тяжело перекачивалось чугунное ядро, напоминая о необходимости отдыха или хотя бы утренней чашечки кофе.

Ехать, слава богу, пришлось недолго. Минут через двадцать показался пирс, около которого, между рыбацкими барками и лодками с лесом, красовался фризский когг со спущенной реей.

– «Святой Николай», – прочел я надпись, вырезанную на борту. – Что ж, с фантазией не очень, но по делу. Ладно, поехали. Рон, буди стражу!

Дверь в будку караульного разлетелась в щепу. Несмотря на свою молодость, Рон, похоже, был далеко не новичком в подобного рода визитах. Спавший в углу на тюфяке стражник суетливо попытался встать. Однако это было излишне. Мощная рука «приказчика» оторвала его от пола и вскинула вверх, как мешок соломы. Непонимание в глазах бедолаги сменилось животным ужасом. «Хрясь!» – стражник сполз по стене, оставляя на ней кровавый след.

– Жив? – осведомился я.

Лис потрогал пульс обломка гомо сапиенс.

– Ничего. Очухается. Но не скоро.

– А! Ему все равно спешить некуда. А вот нам – самое время взойти на борт.

Оставив пленников, Рона и маркизу с лошадьми, наша живописная компания ступила на палубу «Святого Николая». На первый взгляд казалось, что корабль пуст. По счастью, слух, пришедший на помощь взгляду, чутко фиксировал богатырский храп, сотрясавший судно.

Поднявшись на борт, мы сразу же узрели картину, достойную кисти большого художника. Взгромоздясь на свернутый парус, здесь спало какое-то рыжее чудовище в камизе⁴ грязно-песочного цвета. Бренд сделал было шаг в сторону логова морского волка, но я поспешно остановил его:

– Прошу тебя, хоть этого оставь в живых.

Телохранитель смерил меня тяжелым взглядом так, будто я сообщил, что оставляю его сегодня без завтрака. Ему почему-то не нравилась моя манера шутить.

Судя по характерному запаху, щедро витавшему над кораблем, коктейль «Кровавая Мери» был бы сейчас весьма уместен.

– Лис! Как там у вас поется: «Нас утро встречает прохладой»?

Рейнар довольно ухмыльнулся и, зачерпнув валявшейся поблизости бадьей забортной воды, тут же опрокинул ее на голову спящего моряка, сопровождая внезапное омовение истошным криком: «Полундра!»

Рыжее чудовище вскочило, безумно озираясь и хватая воздух ртом. Глаза его цвета вестендской отмели в этот момент живо напоминали два взбесившихся компаса, начисто забывших, что они должны показывать.

– Святые кости! Это еще что такое?!

– Это? Приз за лучший фрахт года – явление «Святого Николая» с группой поддержки пред своими восторженными поклонниками.

– Какого черта! Кто вы такие?

– Насчет чертей – это не ко мне. А кто мы такие, тебе и вовсе знать не обязательно. Мне нужен капитан. И будь добр... поскорее! – Я сопроводил последние слова выразительным жестом, кладя руку на меч.

– Потроха акулы! Три тысячи гортингонских ведм! Да я и есть капитан этой посудины!

Бравый моряк попытался принять должный вид, но память о пережитых штормах настигла его в ту же секунду, и, сильно качнувшись в сторону, он рухнул на палубу.

– Ну да! Я Йоган Гигер, капитан «Святого Николая», и, клянусь всеми ребрами Адама...

Каюсь, я не стал выслушивать, в чем клянется наш мореход.

– Поздравляю вас, мой дорогой! У вас отличное судно. Я готов биться об заклад, что на всем побережье от Бомбея до Шанхая не сыскать такого красавца. Не правда ли, Рейнар?

⁴ Камиза – нижняя туника с цельнокроеными рукавами.

– Да что там! Такого корабля даже в Гонконге не найдешь!

– Гонконгов этих ваших я не знаю, но корабль действительно добрый. – Тон капитана заметно смягчился. – Видели бы вы его на ходу!

– Прекрасная идея, кэп! Я как раз думал, не зафрахтовать ли нам ваше судно для небольшой увеселительной прогулки?

– Что еще за прогулка? Я иду в Бремен с грузом!

– Да-да. Я знаю. Вино, мед, воск, холстина. Без всего этого Бремен как-нибудь перестоит. А прогулка-то, в общем, так, ерундовая. Сначала вверх по реке до замка Фогинг. Там – небольшой пикничок на привале, а потом возвращаемся, берем здесь груз и движемся напрямик на Британские острова.

Рыжая шевелюра Йогана Гигера зашевелилась.

– О, рог Вельзевула! Вы что – с головой в ссоре или пьяны, как тамплиеры? Да кто же плавает в Фогинг?

– Увы, дружище. Мы до омерзения трезвы. И с мозгами у нас все в порядке. И именно поэтому вам с нами придется плыть в Фогинг и далее по указанному маршруту. – Я изо всех сил старался быть убедительным.

Лицо капитана исказила мучительная гримаса раздумья.

– А если, например, я откажусь? Три тысячи гортингонских ведьм! Если я сейчас разбужу команду и велю выкинуть вас всех за борт?!

Моя правая бровь удивленно поползла вверх.

– Это ваше право, капитан. Ваше святое право. Но... – я выдержал эффектную театральную паузу, – в таком случае, увы, мне вряд ли удастся убедить моих молчаливых соратников, – я кивнул на Бренда и Лиса, громоздившихся поодаль, – не разбирать это славное судно по досточкам. И не засовывать лично вам, мой дорогой капитан, в глотку, скажем, в-о-о-н тот брашпиль.⁵ А кроме того, у меня есть заветное слово. – Я поманил собеседника и прошептал ему на ухо: – Пять фунтов.

– Пять фунтов! Черт возьми! Это же сто солидов! Гм-м... – Капитан поскреб заскорузлыми пальцами в своей рыжей, усыпанной рыбьей чешуей бороде. – Оч-чень неплохие деньги! А-а! Была не была. По рукам!

Как я и предполагал, погрузка прошла быстро. Возражения капитана насчет женщин на корабле наткнулись на взгляд Бренда, предвещавший бурю получше любого барометра, и стихли сами собой. Менее чем через час «Святой Николай» был готов к отплытию.

– Джентльмены, минуточку внимания. – Я жестом пригласил своих соратников приблизиться. – Теперь начинается самое интересное. Рейнар, замок Фогинг – на тебе. Это наша оперативная база. Далее – рубеж разворачивания номер один: дорога на Ройхенбахский замок. Это для тебя, дружище Бренд. К началу сумерек ты с возком должен быть там. По сигналу начинай очень быстрое движение в сторону замка. Там в это время будет происходить переполох. Это наша с Рейнаром забота. Ворота замка скорее всего останутся открыты, но если нет, то, любезный мой Бренд, открой их. Только быстро. После этого ты опять садишься в возок и самым резвым аллюром уходишь по дороге в сторону моря.

Бренд исподлобья подозрительно посмотрел на меня и перевел глаза на маркизу. Прелестная миссис Эйстон утвердительно кивнула.

– Коней можешь загнать. За тобой, видимо, будет погоня. Утащи ее за собой подальше. Если догонят, что ж, им же хуже... – продолжил я. – Дальше, Рейнар. Между поселком и замком течет речушка. Так себе речушка, большой ручей. Старица этого ручья норд-норд-вест от замка, ярдов семьдесят. Место самое что ни на есть комариное, но очень тихое. Приведешь туда коней. Хорошо бы кому-нибудь с ними остаться, но – увы! – некому!

⁵ Брашпиль – горизонтальный вал (позже – лебедка), служивший для поднятия якоря.

– А я? – обиженно пробормотал Рон.

– Ты остаешься на корабле, не хватало еще, чтобы эти мореплаватели ушли в свой Бре-
мен. Как стемнеет, «Святой Николай» должен быть у пирса.

– Лошадей постерегу я. – Голос прекрасной маркизы звучал непоколебимой уверенно-
стью.

– Да? А кто будет стеречь вас?

– Вот он. – В руке леди Джейн блеснул уже знакомый нам стилет. – Можете не сомне-
ваться, я им владею не хуже, чем вышивальной иглой.

– Не скажу, чтобы эта идея мне нравилась. Но будь что будет! А я, друзья мои, отправля-
юсь в замок, чтобы уточнить некоторые детали. В случае чего Рейнар знает, что делать дальше.
А теперь «время подумать о душе», как говаривал Цезарь Борджиа. Лис, где там у нас мона-
шеское одеяние?

Глава шестая

*Сейчас я попаду в мышеловку, и горе тем кошкам, которые
попынутся тронуть такую мышку.*

Шарль де Бати, де Кастельмор д'Артиньян

«Почему, спрашивается, как монах, так обязательно задохлик?» – размышлял я, семена в сторону замка.

Купленное по случаю одеяние, по всей видимости, было великовато его прежнему обитателю, но мне, увы, оно было неотвратимо коротко.

Осмотрев меня перед выходом, Лис неодобрительно покачал головой и, тяжело вздохнув, изрек:

– Шо я скажу тебе, Капитан. Туфта это все. Бездарная туфта. То есть, судя по длине, сутана у тебя, конечно, кавалерийского образца, но шпоры, выглядывающие из-под нее, наводят на грустные мысли. А кроме того, где ты видел, чтобы монахи при ходьбе делали отмашку одной рукой, а другой все норовили придержать меч?

Теперь же, увидев на дороге согбенную кривоногую фигуру, меланхолично перебирающую четки, Лис едва не свалился от хохота за борт. Я погрозил ему кулаком и, вновь напустив на себя благостный вид, зашлепал босыми ногами по тракту.

Дорога до замка была ближайшей, но спешить мне было некуда. При известном навыке определить расположение внутренних постов, наметить пути отхода, осмотреться на месте – все это не заняло бы много времени. Я включил связь.

– *Капитан вызывает Лиса. Как ваши дела?*

– *Все путем, Капитан. У меня тут есть идея насчет жмуриков.*

– *Давай выкладывай.*

– *Как ты думаешь, что здесь делает эта призрачная гвардия?*

– *Ты же слышал – обороняет замок.*

– *Я не об этом. Почему она до сих пор не откочевала в лучший мир?*

– *Видимо, они считают, что их дела на этом свете не завершены.*

– *Ответ правильный. Садись. «Пять».*

– *И что из этого?*

– *А из этого следует, что надо помочь завершить эти дела. По принципу айкидо. Не переть на противника танком, а мягко продолжить его агрессивное движение. И, естественно, победить.*

– *Звучит красиво.*

– *Можешь быть спокоен. Исполнено будет не хуже. Прошу «добро» на небольшую вылазку.*

– *Действуй по обстоятельствам. Только я тебя прошу, Сережа, не рискуй зря.*

– *Понятное дело, Капитан. Да я и не один пойду. Рона с собой прихватчу, а то он совсем, бедняга, извелся. Все спрашивает, что он не так сделал, если мы его на эту разборку не берем.*

– *Ай-ай-ай! Горе какое! Хорошо. Утешь мальчика.*

– *Спасибо, дружище. Я знал, что ты великодушен.*

Итак, я брел к замку Ройхенбах, все более и более входя в образ бродячего монаха. Дух мой воспарял в эмпирию, а брэнная плоть влачилась по грешной земле, как... как... В общем-то это не важно.

Благочестивые мои размышления были прерваны появлением двух всадников, скакавших от замка. Опустив очи долу, я обратил стопы свои прочь от мужей, бряцающих смертоносным железом, призывая милосердие Господне на головы неразумных детей его.

– Пойдите, святой отец! – Один из солдат повернул коня, перегораживая мне дорогу.

– Мир вам, дети мои! Восхвалите всеблагодать Господню на путях своих! Что побудило вас прервать смиренную мою молитву во искупление грехов человеческих?

– Мы посланы комендантом Ройхенбаха Фридрихом фон Норгаузенем, чтобы найти в поселке писаря и священника. То, что ты монах, – это видно и без фонаря, а судя по чернильнице на поясе, гусь для тебя не только мясо! – Обрадованный своей шутке вояка радостно заржал. Удивленный конь скосил глаза, пытаясь разглядеть, что это стряслось с седоком, но, не разглядев, лишь фыркнул и покачал головой.

– Я смиренный слуга Господа, и дела мирских владык не имеют значения в моих глазах.

– Эй-эй, святой отец. Там, в замке, парень того и гляди отдаст Богу душу. Вы же не хотите, чтобы он умер без покаяния?

– Ты прав, сын мой. Показывай, куда идти.

– Залазь мне за спину, монах.

– Не пристало мне ездить на лошади, сын мой.

– Да что тут разговаривать. Закинь его на коня, и дело с концом, – вмешался в наш теософский спор второй всадник.

Сказать это было куда проще, чем сделать. Я не стал сопротивляться. Просто расслабился и с некоторым злорадством наблюдал, как бравые вояки затягивали в седло мои двести фунтов живого веса. Думаю, за это время до замка можно было дойти пешком. В конце концов, решив, что в замок мне все-таки надо, а так, пожалуй, не доберемся и до вечера, я позволил посадить себя верхом и, прилагая массу усилий, чтобы выглядеть неуклюжим, затрясся за широкой спиной гонца.

– *Лис вызывает Капитана. Капитан, ты это где?* – Мой верный напарник, видевший в этот момент моими глазами, был, вероятно, очень удивлен, узрев перед собой обтянутую кольчужой спину.

– *Все в порядке, Рейнар. Путешествую автостопом.*

– *А! Ну-ну! Хочешь посмотреть, что за маскарад мы тут учудили?*

– *Давай показывай.*

Наезженная лесная дорога была скупо освещена солнцем, с трудом протискивавшим свои лучи сквозь зеленое буйство крон вековых дубов. Обочины дороги по обе стороны поросли густым кустарником, выползавшим кое-где за отведенные ему человеком границы. Совсем рядом со мной, точнее, с Лисом к проезжему тракту примыкала еще одна дорога. Судя по всему, ее уже давно не касалось колесо, но «добрые и мудрые» руки человека, похоже, здесь поработали совсем недавно.

Следы этих трудов валялись по обе стороны дороги, явно не гармонируя с общим пейзажем. Выдернутые с корнем кусты, стволы деревьев, некогда преспокойно лежавшие поперек пути, а теперь в живописном беспорядке разбросанные поодаль, – все это наводило на мысль о чем-то героическом трудовом порыве. Я даже знал, о чем.

Итак, Лис в одеянии несчастного латника из Вейлера, но в своем авентайле,⁶ каске и крагах⁷ горделиво высился посреди лесной дороги. Остальную ее часть перегораживал Рон, чья широкая грудная клетка вполне заменяла мантилет.⁸

– *Чего ждем?*

– *Мой Капитан, по этой дороге в замок Ройхенбах из Цорндорфа каждый день направляются возы с провизией. Мясо, видишь ли, в поселке все привозное.*

⁶ Авентайл – кольчужное покрытие, защищавшее шею, голову и грудь.

⁷ Краги – наручи из толстой кожи с полосками стали для защиты предплечья.

⁸ Мантилет – защитный экран для лучников при штурме крепости.

– Откуда узнал?

– Аборигены подсказали.

– И что? На старости лет решил заняться разбоем на большой дороге?

– Обидеть поэта может всякий. А вот понять его тонкую ранимую душу – это...

– Лис, не балабол.

– Ладно. По делу. Я решил снять осаду с замка Фогинг.

– Что решил?

– Повторяю еще раз для особо тупых. Снять осаду с замка Фогинг. Подумай сам. Если эти джентльмены, несмотря на самые веские аргументы в пользу их собственной гибели, продолжают ошиваться на своем боевом посту, значит, они считают, что их дело еще не завершено. А если так, надо им в этом помочь.

– Что ж, не лишено остроумия! И что ты намерен делать?

– Что? Приказом этого самого главного Фрица повернуть караван с провизией на Фогинг и, как я уже сказал, снять осаду.

– Не захотят. То есть поворачивать не захотят.

– Тю, сдурел? А кто их спрашивать будет? Кстати, вот, кажется, и они, родимые кормильцы!

Где-то вдалеке раздавались скрип колес и цоканье копыт. Слышались чьи-то голоса и смех. С каждой минутой звуки приближались.

– Ну и силен ты врать, командир! – раздался чей-то голос после очередного раската хохота.

– Да не будь я Ганс Рюдель, если это не так! – Громкий ответ командира прозвучал почти обиженно.

– Болтун – находка для шпиона! – процитировал какого-то одному ему ведомого классика Лис и взвзвелошечу зашагал навстречу конвою.

Караван был уже совсем близко. Три груженных воза, сопровождаемые четверкой всадников, беспечно двигались по дороге.

Увидев нашу заставу, всадники было взялись за оружие.

– Эй-эй, ребята, не надо глупостей! Мне нужен Ганс Рюдель!

– Ну, я Рюдель. – Один из всадников, гарцевавший на ладной буланой лошадке, выехал вперед.

– Я Рихард Зорге, унтер-гаупткнехт⁹ герцога Лейтонбургского.

– Это я и сам вижу. В чем дело?

– Приказ коменданта. Сегодня обоз идет в Фогинг. – Лис был суров.

– Куда?!! – Каска на голове Ганса Рюделя заметно приподнялась.

– Ты не ослышался, приятель. В Фогинг, черти б его побрали!

– Какого дьявола?!

– Мне-то почем знать?! Его честь Фридрих фон Норгаузен вчера вечером получил приказ. Оттуда! – Лис многозначительно указал пальцем вверх. – Слышал бы ты, как он поминал всех святых.

– А ты, часом, не врешь? – В ефрейторских мозгах Ганса вяло шевельнулась бдительность.

– Ганс, дружище. Тебя с утра ничем тяжелым по голове не били? – участливо осведомился Рейнар. – Ты хочешь сказать, что десяток моих кнехтов всю ночь чистили эту дорогу специально для того, чтобы я тебя обманывал? К тому же ехать-то куда? В Бремен на ярмарку? В Фогинг.

Убийственные аргументы Лиса заметно подействовали. Рюдель призадумался.

⁹ Унтер!гаупткнехт – младший начальник кнехтов, фельдфебель.

– А как же гарнизон?

– Что-то осталось с давешнего. Что-то взяли в поселке. Кроме того, со вчерашнего дня едоков поубавилось.

– Что случилось?

– Бог его знает! То ли англичане, то ли просто пираты. Семерым нашим теперь сам сатана кушать готовит, еще десяток тоже о еде думают мало.

– Да! Дела! Ну а в Фогинг-то зачем?

Лис устало пожал плечами.

– Это не мое дело, приятель. Но тебе-то что? Вам приказано ждать пустые возы здесь. В Фогинг поедем мы с Мюллером.

– А если они не вернутся?

– Не накличь беду, Ганс! Но если через три часа возов не будет, отправляйтесь в замок, пускай заказывают мессу в нашу честь.

– Эй, Лис! Осторожней, не зарывайся, – одернул я напарника.

– Ерунда. Это немцы. Если бы им было приказано ждать до второго пришествия, они бы и тогда с места не двинулись. Ну а если через три часа возы не вернутся, то операцию все равно придется отменить.

– Ладно. Убедил. Удачи тебе!

– Прорвемся!

Стражники, покрикивая на возниц, поворачивали обоз на новую дорогу.

Я отключил связь. Впереди маячили ветхие башни замка Ройхенбах.

* * *

Насколько я имел возможность наблюдать, старый замок переживал не лучшие дни. Видимо, то же нашествие вестфольдингов, которое сделало Фогинг замком призраков, немилосердно прошло по Ройхенбаху. Наскоро заделанные проломы в стенах темнели уродливыми шрамами, подвесной мост был начисто разрушен, а на его месте красовался свежесколоченный бревенчатый настил.

Мои провожатые медленно поднялись на холм и принялись стучать в ворота. Я оглянулся. Там, где я ожидал увидеть засаду, в кустах поблескивали каски и раздавались приглушенные голоса. «Сколько ж вы тут, бедняги, сидите? – вздохнул я. – И все попусту».

В воротах показался стражник.

– А, это вы! Заходите скорее, его честь ждет.

Всадник, за плечами которого я проделал путь до замка, провел меня через замковый двор к невысокой башне, между камнями которой кое-где проглядывала трава, а на боевой галерее нагло зеленела одинокая молодая береза.

Миновав еще одного стражника, мы поднялись наверх и остановились перед тяжелой дубовой дверью. Бравый вояка как-то вдруг сник и тихо поскреб темные от времени доски.

– Какого дьявола! Кого там еще черти принесли? Входи, разрази тебя гром, – прогремело из «кабинета».

Солдат приоткрыл дверь, пропуская меня вперед.

– А, это ты, монах! Где тебя сатана таскал столько времени?

Первое, что я увидел перед собой, войдя в комнату, была спина. Мускулистая спина, щедро украшенная свежими рубцами от кнута. Ее несчастный обладатель стоял на коленях со связанными руками, все время норовя упасть на пол.

– Стой, негодяй! Я с тобой еще не так поговорю! – Обладатель громового голоса подошел к бедняге и, схватив за волосы, поднял на ноги.

– Мир вам, дети мои, – произнес я, входя, голосом, который можно было мазать на хлеб.

– Чертово брюхо! Кто тут толкует о мире? Да я готов оторвать этому недоношенному идиоту голову и выкинуть ее на корм свиньям.

«Матерый волчище», – подумал я, разглядывая обладателя громового голоса. Да! Скажу я вам, это был примечательный образчик человеческой породы. На вид «старине Фрицу», а это был, без сомнения, он, можно было дать лет сорок. Но только недосмотром судьбы или же особо благоприятным расположением звезд в момент его рождения можно было объяснить столь большую продолжительность его жизни.

Через весь лоб Фридриха фон Норгаузена тянулся длинный глубокий шрам, подтверждающий версию Лиса об особой прочности здешних голов. Второй шрам пересекал губы рыцаря, навек складывая их в какую-то зловещую усмешку. Как я успел заметить, одно плечо его было чуть выше другого, а при ходьбе он сильно привлекал ногу. Но я готов был поклясться, что, пожелай он действительно оторвать голову несчастному, все было бы кончено раньше, чем мне бы удалось прочесть «Credo». Длинные его, седые как лунь волосы спадали на широкие плечи и были схвачены на лбу ремешком из узорчатой кожи.

– Милосердие подобает христианскому воину, тем более рыцарю, принявшему священные обеты.

– Милосердие! Кой черт – милосердие! По вине этого недоноски мы выставлены на всеобщее посмешище, словно шуты на ярмарке. А ты, как дурак стоеросовый, толкуешь мне о каком-то милосердии! Может, ты и есть дурак? Я слышал, святые отцы любят блаженных! – Фридрих фон Норгаузен отдавал дань изящному остроумию.

– Я смиренный слуга всеблаготворительницы нашей – святой первоапостольной римской католической церкви. И пусть я даже низжайший из ее смиренных слуг, но я требую почтения к ней в моем недостойном лице. Я требую, господин рыцарь, прекратить богохульства и измывательства над этим несчастным! – Голос мой звенел, как колокола Кельнского собора в судный день.

Но, видимо, пыл моих речей был растрочен зря.

При последних моих словах несчастный повернул голову, и на какой-то миг наши глаза встретились. Я инстинктивно прижал локоть к бедру, где под сутаной был спрятан кинжал. Лицо бедолаги представляло собой кровавую маску, больше похожую на свежую отбивную. Без слов было понятно, что над ней кропотливо поработали большие мастера своего дела. Но двух мнений не могло быть – передо мной предстал Готфрид из Вейлера, латник герцога Лейтонбургского...

– Ты что, святой отец, учить меня вздумал?! – взревел рыцарь. Оловянные глаза его раскалились до белого пламени, а лицо налилось темной кровью.

– Ваша честь, быть может, пока что отвести монаха к Томасу? – робко предложил мой сопровождающий, все еще робко топтавшийся у дверей.

– Пошел прочь, скотина! – продолжал бушевать Норгаузен. – Не нужен уже твоему Томасу священник! Я сам ему грехи отпустил, – закончил он, неожиданно успокоившись.

Солдат побледнел.

– Иди, парень, иди. На вот, выпей за помин его души. – Рыцарь кинул моему провожатому динарий.

– Упокой, Господи с праведниками, душу раба твоего Томаса, – забубнил я.

– Аминь! – резко завершил мою импровизацию Норгаузен. – Это был его брат, монах, совсем еще мальчишка. Какой-то негодяй размозжил ему голову блюдом.

Я сглотнул. Что делать, я знал этого негодяя.

– И все из-за этой мрази. – Рыцарь отвесил несчастному Готфриду тяжелую пощечину, от которой бедолага едва не упал. – Готфрид, Готфрид! Как же так? Ты был лучшим латником в моем отряде. Ты же не деревенский олух, вчера сменивший свою пастушью дудку на копье! Ты вырос под щитом. Сколько лет мы с тобой воевали вместе? Десять, а может, двенадцать?

Как ты мог позволить какому-то мошеннику обвести себя вокруг пальца?! – В голосе рыцаря звучала искренняя горечь.

Я отошел к окну и принялся вдумчиво рассматривать двор. Чуть поодаль от башни под дощатым навесом был устроен сеновал, чуть дальше располагались конюшни.

– *Капитан вызывает Лиса. Как там твои дела?* – обратился я мысленно к Лису.

– *Нормально. Подъезжаем. Что-то случилось?*

– *Пока нет. Но может. Здесь допрашивают хозяина твоего костюма. Похоже, он меня узнал.*

– *Ну, ты, Капитан, даешь! Что делать будешь?* – Лис был встревожен не на шутку.

– *Выпутаемся! У меня к тебе вопрос. Ты сарбакан¹⁰ захватил?*

– *Захватил.*

– *А зажигательные дротик к нему имеются?*

– *Обижаешь, начальник... А что?*

– *Здесь надо будет устроить небольшой показательный пожарчик. Ты ярдов пятнадцать по навесной траектории сделаешь?*

– *При желании и двадцать можно,* – без тени хвастовства отреагировал Лис.

– *Отлично. Тогда передай Бренду, что сигнал для него – пожар.*

– *Хорошо. Не желаешь взглянуть на наше представление?*

Впереди, на высоком утесе, мрачно возвышалась башня замка Фогинг. Долгий протяжный звук трубы разорвал и скомкал лесную тишину в один миг. Возницы, словно сброшенные этим звуком наземь, осеняли себя крестным знаменем, шепча слова молитвы и медленно отползая назад. Рон стоял, широко расставив ноги, поудобнее перехватив секиру, так, как будто собирался принимать неравный бой.

Звук трубы повторился, и над башней взвилось знамя с пламенеющим крестом. На стенах замелькали полированные каски ратников.

В это время мой славный напарник привязал на копьё какую-то белую тряпку и, размахивая ею в воздухе, закричал во всю мощь своего и так не слабого голоса:

– *Э-гей! В замке! Мне нужен рыцарь Бернгерд Бесстрашный.*

– *Кто его спрашивает?* – прозвучал в ответ голос, от которого мурашки забегали по спине, в ужасе давя друг друга.

– *Я, Рихард, латник герцога Лейтонбургского. Мы привели вам обоз с продовольствием. Вестфольдинги отступили! Победа за вами!*

Опускной мост упал как подстреленный. Заскрипев, отворились тяжелые ворота. Возницы, все еще не придя в себя от ужаса, начали подниматься и отряхивать одежду.

– *Назад! Всем лежать!* – Громогласно-ужасающая команда Лиса моментально прижала их к земле.

Как будто ураган пронесся над возами, сметая с них груз и отрывая доски от бортов. Бочонки с вином, свиные туши, зелень, гуси – все, все, все уносилось в разверстую пасть ворот. Я видел, как еще в полете слетали обручи с бочек, кроваво-красное вино фонтаном рассыпалось в воздухе миллионами брызг и исчезало, не обронив на землю ни единой капли. Как туши сами собой охватывались пламенем и превращались в ничто, осыпаясь вниз градом костей.

Всего несколько минут длилась эта фантазмагория. Затем оглушительный грохот потряс берег. Грохот, от которого затряслась земля и с деревьев попадали листья. Когда же все было кончено, на месте, где только что в грозном своем великолепии красовался укрепленный замок, мрачным остовом возвышались безжизненные руины. Замок Фогинг умер.

¹⁰ Сарбакан – духовая трубка для стрельбы дротиками.

– Да что ж ты молчишь! Дьявол тебя раздери! – услышал я вновь голос коменданта.

Готфрид молчал. Он упрямо уставился в пол, нестибаемый, как коринфская колонна. В дверь тихо постучали.

– Кто там еще?

Судя по золотым шпорам и цепи, вошедший был рыцарем.

– А, Арнульф! Что нового?

– Ничего хорошего. Только что прибыл гонец с пирса. Они захватили корабль и ушли.

Наш часовой тяжело ранен.

– Проклятие! Они убегают! – зарычал комендант, хватаясь за меч.

– Нет, Фридрих. В том-то и вся загвоздка. Они ушли вверх по реке.

– Вверх? Какого черта?

Арнульф пожал плечами.

– Так! Какое следующее место на реке, где может пристать корабль?

– Ну, если не считать Фогинга, то только Лютц.

– Отлично. Арнульф, возьми трех лучших наездников, дай им лучших коней! Пусть во весь опор скачут в Лютц и поднимают тамошний гарнизон. Это приказ герцога. Их нельзя упустить. Красотку взять живьем. С остальными... на твое усмотрение. Все ясно? Действуй! И да поможет нам Бог! – Норгаузен широко перекрестился. – А этого, – он кивнул в сторону Готфрида, – повесить. В назидание остальным.

Глава седьмая

*Я пришел сюда не сражаться, а побеждать.
Граф Уорвик – делатель королей*

– Садись, монах! – Кулак барона с грохотом опустился на столешницу, как будто указывая ту точку, на которой я должен был примоститься. – Доставай свои чертовы перья! Да побыстрее!

– Ваша честь, вы обрекаете на смерть человека... – робко обратился я к барону. – Быть может, он, как добрый христианин, нуждается в исповеди?

– Три тысячи чертей! Похоже, это ты нуждаешься в хорошей порке, монах. И не заставляй меня лишний раз задумываться над этим.

– Велик Господь на небесах, блаженны мученики, невинно убиенные, ибо кровью Господней будут жить вовеки. – Невзирая на сдавленный рык Норгаузена, я подошел к несчастному, осеняя его крестным знамением. – Да пребудет с тобой милость Всевышнего, воин, отпускаю тебе грехи твои, во имя Отца, Сына, Святого духа. Иди с миром!

– Благодарю вас, ваша свет... ваша святость, – едва слышно прошептал Готфрид, и мне показалось, что на его разбитых губах промелькнуло некое подобие ухмылки.

– Да усядешься ты наконец, святой отче, черт бы тебя побрал! – взревел рыцарь. Лицо его сделалось цвета переспелой брюквы, а побелевшие в мгновение ока шрамы завершили свирепый образ. – Чертов монах, ты что, оглох, или же тебя вздернуть рядом с этим болваном? Дьявольщина! – Норгаузен размашисто подошел к столу и поднял стоящий на нем чеканный кубок. – Где вино?! Стража! Вина мне! Копыта Вельзевула! Какого черта! Где мое вино?

Показавшийся в дверях стражник вовремя отпрянул назад. Пущенный мощной рукой кубок вылетел из комнаты, ударился о стенку и, жалобно звеня, покатился вниз по ступеням.

Похоже, этот звон успокоил рыцаря, и, внезапно смягчаясь, он вновь окликнул:

– Стражник! Где тебя черти носят? Принеси мне вина, черт возьми! Да, вот еще. Позови мне фон Кетвига.

– Прости меня, если можешь, – произнес я, пользуясь бурей, бушевавшей над головой ни в чем не повинного стражника, и с видом высокомерного смирения прошествовал к столу.

– Господин рыцарь желает что-то продиктовать мне? – опускаясь на табурет, произнес я голосом, исполненным неподдельного благочестия.

Рыцарь бросил на меня недобрый взгляд.

– Монах! Ты, кажется, задался целью вывести меня из терпения?!

Слава богу, капюшон скрыл удивление, отразившееся на моем лице. Вывести Норгаузена из терпения? М-да. Если то, что он только что продемонстрировал, следовало считать будничным поведением, то хотел бы я увидеть панораму его бешенства.

На пороге снова появился стражник, несший объемистую флягу с вином.

– Барон фон Кетвиг сейчас будут, ваша честь, – смиренно произнес он, стараясь побыстрее дать задний ход.

– Уведи эту падаль и сдай ее профосу.¹¹ Он знает, что делать. – Рыцарь повернулся ко мне и, налив полный кубок, поднес его к губам. – Доставай свой пергамент, святой отец.

Я уселся поудобней и включил связь.

– *Капитан вызывает Лиса.*

– *Все в порядке. Капитан, слышу тебя нормально.*

– *Как там дела?*

¹¹ Профос – должностное лицо в поиске, исполняющее полицейские и палаческие функции.

– *Вашими молитвами. Вozy отпустил. Разговор по округе будет – так это ж мама родная!*

– *Лис, спори со значка золотой кант и нашей черный. Во втором туре марлезонского балета у тебя будет трагическая фигура.*

– *Призрака коммунизма?*

– *Нет, попроще. Профоса из Лютца.*

– Пиши, монах, – вклинился в нашу беззвучную беседу грубый голос Норгаузена.

– *Ладно, Лис, оставайся на приеме.*

– Его императорскому высочеству, принцу Саксонии и Баварии, герцогу Лейтонбургскому Оттону фон Гогенштауфену, – начал диктовать рыцарь.

Я старательно заскрипел пером.

– Ваше высочество, – продолжал он, – с прискорбием сообщая вам, что означенная особа по нелепому стечению обстоятельств была нами упущена...

«Не думаю, чтобы его высочество был очень доволен таким радостным известием, – мелькнула у меня мысль. – Полагаю, не стоит его огорчать сразу...»

«...Благодаря геройству латника Готфрида из Вейлера была захвачена...» – выводило мое перо.

Рыцарь с грохотом поставил пустой кубок на стол и заглянул в пергамент.

– Красиво пишешь, стервец! Хотя на что-то ты мастер.

– Уж не извольте сомневаться, ваша честь...

На лестнице послышались тяжелые шаги. Дверь отворилась.

– Заходи, Вилли! – обратился Норгаузен к новому действующему лицу.

Казалось, вошедшая туша заполнила всю комнату. «Да уж, такого в бочке с пивом не утопишь, не влезет», – промелькнуло у меня.

– Сколько у нас сейчас людей, пригодных к бою? – осведомился у вошедшего комендант Ройхенбаха.

– М-м-м... – задумчиво произнес барон фон Кетвиг, – семеро было убито в «Императорском роге», Готфрида вы велели повесить... Итого... – Барон задумался. – Восемь... Девять – с сегодняшним, тем, что с пирса – раненым. Трех вы изволили послать в Лютц. Итого... – Пауза затягивалась. У толстяка были явные нелады с арифметикой. – Двадцать... – наконец выродило тело.

– Значит, у вас под рукой три с половиной дюжины бойцов да плюс нас с вами трое.

– К убитым можешь прибавить еще одного: молодой Томас помер, – поправил барона комендант. – Значит, так. Снимай засаду, собери всех в замке. Возьмешь две дюжины аршеров,¹² прочешите побережье. Ройте, копайте, нюхайте, но не пропустите ни малейшего следа этих негодяев! Если они попробуют где-то причалить, можете изрубить всех, кроме женщины.

– А если там не одна женщина? – В глазах барона мелькнул некий туманный огонек.

– Клянусь задницей Папы Римского, эту вы не спутаете ни с какой другой! Так вот, Вилли, слушай меня внимательно: с этой вы будете обращаться так ласково и нежно, будто это ваша любимая бабушка. И не дай вам Бог даже косо посмотреть в ее сторону.

– *Лис, ты что-нибудь понимаешь?*

– *Только то, что здесь высоко ценят женскую красоту. Хотя манеры добиваться благосклонности дамы далеки от куртуазности. Впрочем, что возьмешь, «сумрачный германский гений»...*

– *Кончай упражняться в изящной словесности! А если серьезно?*

– *А если серьезно, то, что они гонятся за маркизой, мы уже знаем, а вот зачем?..*

– *А что она говорит по этому поводу?*

¹² Аршеры – конные лучники, род легкой кавалерии, появившейся в Европе после крестовых походов.

– Она делает удивленные глаза, что ей необыкновенно идет.

– Ладно, разберемся.

– Фриц, но там же Фогинг... – неуверенно начал фон Кетвиг.

– Да что вы пристали ко мне с этим Фогингом, три тысячи чертей! Если они сунутся в Фогинг, им же хуже. Хотя сомневаюсь, чтобы они это сделали. В любом случае – мне нужна эта женщина. Если же вы не найдете ее, немедленно отправляйтесь в Ольденбург и найдите там гостиницу «Черный орел». В ней вскоре должен будет остановиться некий священнослужитель рангом не ниже аббата со своей свитой.

– Как я его узнаю? – спросил барон.

– Телосложением он похож на вас, так что не ошибетесь. Впрочем, он нам не нужен. Вас будет интересовать другой человек. Он высок, худ и носит длинные волосы. Как его будут звать, это известно одному Богу. В прошлый раз, когда я его видел, его звали Готье де Вердамон. А три года тому назад, в Святой Земле, в Сен-Жан-д'Акре, его знали как Джорджа Талбота. Передадите ему это и скажете... – Норгаузен прошептал что-то на ухо Кетвигу и протянул ему «это», но что оно собой представляло, из-за обширной спины Кетвига разглядеть было невозможно.

– Лис, как тебе нравится имя Готье де Вердамон?

– Ничего, звучит впечатляюще. А ты уверен, что оно имеет к нашей истории хоть какое-то отношение?

– Не знаю. Но на всякий случай запомни.

– Ладно, Вилли. Поспеш. С Богом! – Рыцарь напутственно хлопнул барона по плечу, после чего тот стал ожесточенно протискиваться в двери.

– А теперь ты, бездельник! – обратился ко мне мой добрый «хозяин». – Чего сидишь, уши развесил? Желает, чтобы я их тебе приказал отрезать?

«Какой несносный характер, – подумал я. – Какой невоспитанный человечище! Наверное, у него было тяжелое детство».

– Чугунные игрушки, горшок без дна, вырванные годы... – прозвучал у меня в мозгу голос Лиса.

– Пиши, стервец! «Сейчас нами приняты все меры для ее задержания».

«Вследствие чего мы ожидаем дальнейших Ваших распоряжений по поводу места, куда она должна нами быть доставлена...» – я старательно выводил на пергаменте необходимый мне текст.

– Капитан, я чего-то не понимаю. Ты опять ввязываешься в какую-то игру? – встревожился Лис. – Сегодня же вечером мы вытаскиваем Ричарда из зиндана¹³ и прощаемся с нашими гостеприимными хозяевами. Ну их всех на фиг, пора домой, кофе стынет!

– Лис, меня терзает смутное сомнение.

– Вот не люблю я, когда ты так говоришь... Что ты там еще удумал?

– Мне почему-то кажется, что эта мышеловка рассчитана только на одну мышь.

– То есть? Что ты имеешь в виду?

– А то, что сыр здесь из крашеного картона.

– Не понял?!

– Ладно, потом объясню. Мне работать надо.

«А в случае же, если небо не будет к нам благосклонным, я имею смелость начать действовать сообразно второму Вами предписанному плану. За сим остаюсь вашего высочества преданный слуга Фридрих фон Норгаузен. Писано в канун Михайлова дня сего года, в замке Ройхенбах».

¹³ Зиндан – каменный мешок.

Норгаузен внимательно досмотрел, как я выписываю: «Посему прошу назначить пенсию матери латника, помянутого выше, геройски погибшего при исполнении Вашего приказа». Куртуазную концовку менять я не стал. Подождав, пока просохнут чернила, комендант еще раз скрупулезно оценил творение моих рук:

– Да, хорошо написано.

Он свернул пергамент и, капнув на свиток воском, оттиснул печать с орлиной головой и тремя гонтами.

– На вот. – Он протянул мне динарий. – Позолотите у себя в Ройхенбахе шпоры святому Георгию.

«В Ройхенбахе, говоришь? – подумал я. – Ну-ну».

До назначенного мною времени оставалось еще полдня. Как я и предполагал, в ройхенбахском гарнизоне, как и в любом подобном подразделении, нашлось немало работы для всепобеждающего слова пастыря Божия. К вечеру я уже спокойно мог писать путеводитель по замку и, уж во всяком случае, провести по нему одну-единственную экскурсию.

Когда начало смеркаться, я покинул гостеприимный кров Ройхенбахской цитадели и, меланхолично перебирая четки, засеменил в сторону поселка. Дождавшись, когда замок скроется из виду, я быстро огляделся вокруг и, подобрав полы сутаны, резво сиганул в придорожные кусты. В лесу было уже совсем темно. Спотыкаясь о невидимые корни и цепляясь своим нелепым одеянием за все окрестные кусты, я направился к условленному месту, где была сосредоточена группа захвата.

– *Капитан вызывает Лиса!.. Твою же мать!..* – выругался я, натыкаясь лицом на какую-то ветку.

– *Ну?..* – как-то недружелюбно отозвался мой напарник.

– *Прости, Сережа, это я не тебе. Вы там где?*

– *Мы тут здесь. А что?*

– *Ничего. Я к вам иду.*

– *Хорошо, я предупрежу местных комаров, что десерт уже на подходе.*

– *Рейнар, я вижу, у тебя хорошее настроение.*

– *Еще бы. Мы тебя ждем здесь уже около часа. Если бы ты еще полчаса поиграл в военного капеллана, то обнаружил бы здесь пару сотен этих убитых гестаповцев и наши обглоданные в неравном бою скелеты. Кстати, о скелетах. У тебя там волки воют?*

Я прислушался. Действительно, где-то вдалеке раздавался голодный волчий вой.

– *Воют.*

– *То-то же. И у нас воют. Я это к тому, что пора бы начинать.*

– *Ладно, включи маяк, чтобы я тут не блуждал в потемках.*

– *Нет проблем.*

У меня в мозгу забибикал характерный сигнал маяка. В течение следующих двадцати минут я занимался классической «охотой на Лиса». Наконец сигнал стал совсем близким, я остановился и прислушался. Лес молчал. Лис тоже.

– Рейнар, если ты думаешь, что твоя фамилия Мак-Лауд, то ты глубоко не прав. Вылезай! Эффектное появление оставь для другого случая.

Сбоку послышалось обиженное сопение:

– Ну вот, уже и поиграться нельзя!

До старицы добрались быстро. На ее берегу был наспех сооружен шалаш, рядом с которым горел партизанский костер. Над шалашом клубилось серое облако изрядных размеров.

– У-у, лютваффе!

– По-моему, это слово звучит как-то по-другому.

– Не пори чушь! Лютваффе – от слова «лютый».

Из шалаша появилось нечто, способное при плохом освещении запросто сойти за привидение. Приглядевшись, я с удивлением распознал в этом создании маркизу, с головы до пят закутанную в парусину. Роба, снятая, по-видимому, с самого щуплого матроса «Святого Николая», была настолько велика нашей прелестной спутнице, что ее парусность достигала критической величины. Порывами ветра леди Джейн то и дело кренило набок.

– Сударыня, рад вас видеть, – галантно произнес я, делая энергичные движения руками, которые досужий зритель принял бы за отражение комариной атаки. Что и говорить, для этого самого зрителя мы представляли собой преуморительнейшее зрелище. Ну да, она в этом своем парусном одеянии и я – в короткой рясе на босу ногу.

– Ну что, переодевайся! – со скрытым злорадством произнес Лис.

Я метнул в его сторону недобрый взгляд. Среди рыцарских подвигов, запланированных мной на этот день, данный был как-то упущен.

– Ладно, в поход. Труба зовет, – произнес я, заканчивая подготовку к очередному маскараду.

– Не верю! – Лис обошел вокруг меня, критически осматривая мой костюм. – Вот эту туничку мы порвем... Плащик? А плащик мы потопчем... Тебе б еще синяков наставить для убедительности, – мечтательно произнес он. – Ну да ладно, авось в темноте не рассмотрят. Главное, чтобы кольчугу не успели разглядеть.

Терпеливо снеся все измывательства, я протянул Лису руки:

– Вяжи, полицейская морда.

– Слышишь, ты, расстрига, ты у меня не зарывайся!

Маркиза со сдержанным удивлением наблюдала за нашими действиями и терпеливо вслушивалась в бурный поток нашего острословия.

– Маркиза, назначаю вас помощником шерифа! – не на шутку разошелся Лис. – Ведите коней, я отвезу этого грязного койота в участок! Будет знать, как грабить наши...

– Джентльмены, я с нетерпением буду ждать вашего возвращения, – прервала шквал Лисовых словоизвержений леди Джейн.

Спустя несколько минут кони вынесли нас на дорогу, ведущую к замку. Как я и предполагал, ворота Ройхенбаха были заперты. Лис спрыгнул с коня и забарабанил по ним что есть мочи.

– Просыпайтесь, негодяи! Просыпайтесь, свинячьи рыла, – или я разнесу эти ворота к дьяволу!

– Кого там принесла нелегкая? – послышался недовольный голос заспанного стражника.

– Я Рихард Зорге! – повторил свою шутку на бис мой напарник. – Профос из Лютца. Открывай быстрее, я привез коменданту одного из вчерашних разбойников!

За воротами засуетились. Послышался грохот поднимаемого засова, и одна из створок отползла в сторону.

– Входи, дружище, входи. – В голосе стражника слышалось нескрываемое злорадство. – Попался, ублюдок! – Стражник ткнул меня под ребра тупым концом копья.

– Но-но!.. – озабочился Лис. – Приказано доставить целым и невредимым. Помогите лучше развязать ему ноги.

Стражник придвинулся к стремени, распутывая узлы. Когда последний узел был развязан, я с наслаждением перекинул ногу через седло и оказался у него на плечах. Схватившись при этом за край каски, я резко сорвал ее и, перевернув, с размаху опустил на голову. Не ожидавший подобного подвоха стражник беззвучно рухнул на землю. Я ушел перекатом через спину и вскочил на ноги.

– Минус один, – тихо произнес Лис, подхватив стражника под мышки и затаскивая его в караулку. – Спи спокойно, дорогой товарищ.

Рейнар вновь приладил подобие узла на моих запястьях.

– Теперь куда?

– В центральную башню.

Стража донжона¹⁴ самозабвенно резалась в кости. Судя по тому, что входная дверь была открыта, бдительность поставили на кон много часов назад.

– Азартные игры на посту запрещены, – проходя мимо заигравшихся аргусов, заметил Лис.

– А ты кто такой? – недовольно поинтересовался один из них.

– Глаза протри, волк позорный!

Взгляды игроков наткнулись на лейтонбургский значок, обшитый черным кантом, у левого плеча моего напарника.

– Простите, господин профос, не разглядели! Не извольте беспокоиться!

– Комендант здесь?

– Здесь, господин профос. Спит.

– Буди. Скажи, профос из Лютца прибыл.

– Как же будить-то? – неуверенно начал один из вояк. – Зашибет ведь.

– Авось не зашибет. Скажи, подарок ему привез.

Стражник обреченно начал подниматься по лестнице.

– Шевели ногами, приятель! Что ты плетешься, как грешник на сковородку? – напутствовал его мнимый профос. – А теперь ты, – предложил он, обращаясь ко второму игроку, все еще державшему в руках кубики. Караульный встрепенулся. – Да ты не суетись.

Тяжелая рука моего напарника легла на его плечо, и твердый, как вердикт патологоанатома, палец ткнулся в заветную точку чуть ниже левой скулы. Глаза бедолаги закатились, и он без чувств сполз на пол.

– Минус два!

Мы стремительно взбежали вверх по лестнице.

– Давай их сюда! – раздался из-за дверей сонный рык выкорчеванного из постели Норгаузена. – Бегом, копыто Вельзевула!

Дверь распахнулась, едва не зашибив моего напарника. Стражник бросился было вниз, но, зацепившись за своевременно подставленную ногу Лиса, загремел по лестнице.

– Не спеши, а то успеешь, – напутствовал его Рейнар. – Минус три...

Покои коменданта были тускло освещены парой чадающих факелов.

– Тук-тук-тук! – развлекался Лис. – Фридрих фон Норгаузен здесь живет?

– Что за шутки, потрох сатаны! Клянусь ушами святого Бенедикта, я вырву твой смердящий язык и скормлю его крысам! Наглый холоп, быдло, мужик...

– Грязный конюх, сивый мерин, лось почтовый... Все это мы уже слышали, – продолжил тираду Рейнар, заходя вместе со мной в комнату и плотно закрывая за собой дверь.

Озверевший от нашей наглости Норгаузен, сжав кулаки, бросился на Лиса. Я не сомневался в превосходных бойцовских качествах коменданта гарнизона, но боксировать с Сережей было глупо. Лис ушел под атакующую руку и нанес прямой короткий удар в печень. От неожиданности у неистового тевтона перехватило дух, и, зашатавшись, он осел назад.

– Господин комендант, – начал я. – Будьте любезны меня выслушать. Я – Вальдар Камдил, опоясанный рыцарь, и я пришел сюда для того, чтобы освободить охраняемых вами узников. У вас сейчас есть выбор: либо сразиться со мной, как подобает по законам рыцарской чести, либо же бесславно пасть, демонстрируя свой дурной нрав.

Фридрих фон Норгаузен выпрямился и, кажется, даже вырос на несколько дюймов. На его лице отразилось понимание происходящего. Его можно было обвинить во всех смертных грехах вместе и по отдельности, но только не в отсутствии отваги.

¹⁴ Донжон – главная башня замка.

– К делу, черт вас подери! – прорычал он, хватаясь за меч.

Катгабайл, временно обитавший на перевязи у Лиса, мгновенно очутился в моей руке. Как я и предполагал, уверенный в себе противник не стал прощупывать мою оборону, а сразу перешел к финальным аккордам. Сказать по чести, у меня тоже не было времени развлекаться здесь изысками фехтования. Тяжелый меч Норгаузена, метивший мне в голову, жалобно зазвенел, столкнувшись с блистающим клинком Катгабайла, высекая снопы искр. В ту же секунду правая моя рука обхватила запястье рыцаря и резко повернула его вниз. От сильной боли Норгаузен вскрикнул.

– Господин рыцарь, объявляю вас своим пленником! – четко произнес я, касаясь мечом шеи коменданта.

– Проклятие! – Он выронил оружие.

– Возьмите ключи от подземелья. Вы идете с нами, – скомандовал я. – Рейнар, теперь по ритуалу следуют праздничный салют и веселые гуляния для гарнизона. Дистанция – двенадцать ярдов, лево от окна – тридцать градусов, цель – сеновал! Следующая цель – конюшня! Зажигательными заряжай! Пли!

Шесть дровиков один за другим исчезли в ночной мгле. Шесть ярчайших факелов вспыхнули во внутреннем дворе замка, разгоняя мрак.

– Пожар! – Истошный вопль караульного потряс ветхие стены Ройхенбаха. – Пожар! Конюшня горит!

Хриплый звук походного рожка разорвал полуночную тишину. По двору суматошно забегали слегка одетые люди.

– Выводи коней, дурень! Коней выводи!

Обезумевшие от огня кони оглашали воздух пронзительным ржанием и били копытами, не давая к себе приблизиться.

– Воду давайте, черт бы вас побрал! Несите скорее воду!

– Да где ж воду? Ведер-то нет!

– Шлемом черпай! Дурья твоя башка!

– Багры нужны!

– Возьми алебарду!

– Есть! Есть ведра!

– Сюда тащите!

– Строй цепь к колодцу! Давайте воду!

Суматоха в замке начала приобретать некую видимость упорядоченности, когда по бревенчатому настилу, заменявшему подвесной мост, загрохотали долгожданные колеса.

– Ну, дальше будет неинтересно, – отозвал я Лиса, замороженно наблюдавшего за фее-рическим действием, разворачивавшимся во дворе крепости. Спускаясь вниз по лестнице, мы услышали, как надсадно заскрипели отворяемые ворота и к крикам «Пожар!» прибавились новые:

– Проклятие! Они уходят! В погоню!

– Какая погоня? О чем они говорят? – возмутился Лис, замыкавший нашу колонну. – Да на таких ошалевших конях ковбой на рдео не усидит.

– Лис, не мешай людям веселиться. Когда еще в их жизни случится такой праздник?!

Шествующий между нами Норгаузен злобно скрипел зубами. Проходя мимо бесчувственных стражников, я наклонился и пощупал у них пульс. Ничего, жить будут.

– А теперь, господин рыцарь, становитесь первым и ведите нас в подземелье. И давайте обойдемся без фокусов. Умейте проигрывать достойно. Мы ведь с вами не смерды, а опоясанные рыцари.

Комендант угрюмо посмотрел на меня и молча прошел вперед. Винтовая лестница, мрачные своды... Да простит меня читатель, я не могу сообщить ничего нового о подземельях ран-

него средневековья. Они настолько однообразны, что я склонен думать, что все это – плод фантазии одного и того же архитектора. За очередным поворотом коридора мирно дремал пожилой стражник. Выводок тощих крыс самозабвенно догрызал кожаные ремни его спущенной перевязи. Тихо переступая через ноги спящего, я шепотом заметил:

– Не надо будить. Пусть спит. Намаялся, бедолага...

Комендант что-то недовольно буркнул и зазвенел ключами в замке.

Разбуженный звоном стражник испуганно открыл глаза.

– Да ты спи, любезный. Комендант не обидится, он сегодня добрый. – Лис снял со стражника каску и погладил его по лысой макушке. Стражник добросовестно закрыл глаза.

– Вот так-то лучше, дружок.

Я мог поклясться, что теперь он бы их не открыл, даже если бы над самым его ухом затрубил архангел Гавриил. Тяжелая дверь темницы наконец поддалась, и при колеблющемся свете факелов мы увидели два распростертых на прелой соломе тела. Одно, как мы уже знали, принадлежало лорду Томасу Эйстону, камерарию короля. Но вот второе... Лежавший рядом с лордом Томасом человек был без малого семи футов ростом, и его хорошо развитая мускулатура повергла бы в творческий экстаз античных ваятелей. Судя по мужественному лицу, он имел все данные, чтобы служить зеркалом рыцарства. Но, увы, лет эдак через пять. Это был не король Ричард.

– Капитан, что ты там намекал насчет картонного сыра? – спросил мой напарник, склоняясь над гигантом. – Кстати, не знаю, обрадует ли это тебя, но он мертвецки пьян. Водой на него, что ли, попрыскать?..

– А что, это мысль.

– Капитан, я сейчас.

Лис опрометью бросился из подземелья. На всякий случай я включил связь. Через минуту он был уже во дворе. Как я и предполагал, двор изрядно обезлюдел. Часть гарнизона умудрилась-таки пуститься в погоню, оставшиеся же солдаты, обладавшие, видимо, несколько большей долей здравого смысла, продолжали тушить сено и успокаивать коней. Лис хищно обвел двор взглядом.

– О! Вот ты, с ведром! Бегом ко мне!

Обалделый от дыма солдат не посмел ослушаться начальственного тона незнакомого профоса.

– Отдай ведро, – Лис просто вырвал лохань из рук несчастного, – пшел вон!

Воин, не рассуждая, заученно развернулся и бросился выполнять приказ.

Вскоре Лис был уже на месте. Ледяная вода, вылитая на нашего псевдо-Ричарда, неожиданно быстро привела его в чувство.

– Где я? – все еще заплетающимся языком спросил он.

– На именинах у византийского императора, – раздраженно сообщил я ему.

– Этот тоже пьян? – Лис склонился над телом второго человека.

– Нет, Капитан. Он не пьян. Он умирает.

– Дьявольщина! Только этого нам не доставало! Эй, как там тебя, Малыш, хватай своего товарища и неси его наверх! А я скажу господину коменданту несколько прощальных слов и догоню вас.

Когда шаги моих соратников застучали по лестнице, я повернулся к стоящему у дальней стены тевтону.

– Фридрих фон Норгаузен! Верный своему рыцарскому долгу, я возвращаю вам свободу. Но прежде чем мы расстанемся с вами, надеюсь, навсегда, я сообщу вам несколько вещей. Первое: это я сегодня был у вас в гостях в обличье монаха, и, соответственно, это я писал ваше донесение принцу Оттону. И второе. Перед смертью Готфрид из Вейлера узнал меня...

Я не успел договорить. Лицо коменданта Ройхенбаха побагровело, из шрама на губах начала сочиться кровь. Он сделал шаг, еще шаг, тут колени его подкосились, и он рухнул лицом вниз, протягивая ко мне руки со скрюченными пальцами.

– Покойся с миром, рыцарь, – тихо произнес я и, повернувшись, вышел вон.

Глава восьмая

Ничто не стоит так дорого и не ценится нами так дешево, как чужая жизнь.

Торвальд Пламенный Меч (предок Вальдара Камдила)

– Сэр, что делать дальше? – Обалдевший от стремительности происходящих событий детина нерешительно топтался посреди караулки, бережно прижимая к груди лорда Томаса.

– Где Рейнар? – раздраженно спросил я, убеждаясь в отсутствии своего напарника.

– Наверх побежал, велел тут ждать...

– Это еще что за самостоятельность? – нахмурился я и включил связь. – *Капитан вызывает Лиса!*

– *Сейчас, кэп, минуточку...*

– *Чем ты там занимаешься?*

Лис, профессионально работая широким кинжалом, самозабвенно курочил замок объемистого сундука.

– *Ми...ну...точку!*

Замок жалобно клацнул, и Лис торжественно поднял тяжелую крышку.

– *Так я и думал*, – удовлетворенно произнес он, запуская в сундук руки.

– *Лис, прекращай мародерствовать. Нашел время!*

– *Капитан, послушай меня внимательно.* – Лис патетически выпрямился. – *Из всей нашей великой русской революции я сделал несколько выводов. Один из них гласит.* – Лис выставил вперед руку характерным жестом вождя мирового пролетариата. – *«Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она делается на немецкое золото!» Наша операция уже стоила Институту пятнадцать динариев плюс аренда «Святого Николая». Ты собираешься выставить счет торговому дому «Брендон и Рон»? Здесь золота фунтов на пятнадцать. А работы, как я понимаю, предстоит еще немало. По-моему, нам необходима некая неучтенная сумма на представительские расходы.*

– *Ладно, Лис, действуй, но только побыстрее!* – Я вырубил связь.

Растерянный гигант все еще вопросительно глядел на меня. Наконец я смог его толком рассмотреть. Как я уже говорил, до семи футов ему не хватало пары дюймов, и в плечах детинушка был шире меня раза в полтора. Бицепсы величиной с шар от кегельбана и кулаки, как говаривал Лис, «с голову пионера-отличника» странно сочетались с выражением полнейшего детского простодушия на его физиономии, обросшей многодневной щетиной.

– Ты кто, собственно говоря, такой, дружище? – устало спросил я, завершая осмотр этого потомка гигантопитеков.

– Я, это... Я... Эдвар Жильбер Кайар де Меркадье, оруженосец его величества короля Ричарда Плантагенета. – Юноша горделиво выпрямился, отчего голова его с грохотом соприкоснулась с потолочной балкой. – У-уй... низковато у них тут...

Я скептически посмотрел на него. На лестнице появился запыхавшийся Лис, таща на плечах импровизированный мешок.

– Все, Капитан, уходим! Грузите кассу на извозчика, – бросил на ходу Рейнар, пробегая мимо.

Мы, не теряя времени, устремились вслед. Лошади наши, предусмотрительно заведенные Рейнаром в караулку, спокойно ожидали нашего возвращения. В углу караулки, держась за голову, стонал полуочнувшийся стражник.

– На, приятель, купи себе аспирин. – Лис бросил стражнику солид и направился к выходу.

– Стоять! Капитан, у нас проблемы. Барон возвращается.

– Вот только этого нам не хватало! Все твои деньги!

– Ладно, сейчас я их попробую остановить, пока они не попали во внутренний двор.

Лис, позванивая кольчугой, вышел навстречу подъезжающему отряду.

– Где барон фон Кетвиг? Тпру, стоять! – Командный тон моего напарника заставил всадников придержать коней.

– А ты кто, собственно, такой, чтобы спрашивать? – Угрюмого вида воин двинул коня вперед. – Что-то я тебя не знаю!

– Протри глаза, солдат! – Рейнар грозно сдвинул брови. – Ты что, нашивок спьяну не различаешь?

– Нашивки-то вижу, – не сдавался тот. – А вот ты кто такой?

– Я Рихард Зорге, – вновь затянул свою песнь Лис, – профос из Лютца. Мы схватили девицу и одного из ваших разбойников. Приволокли сюда. А здесь потом такое началось! Что слава богу, что оно кончилось!

– Да что ж здесь, черт побери, было?

– Что было? Эти негодяи ворвались в замок. Комендант убит. Несколько человек ранено. Пленники бежали. Сеновал выгорел дотла. Конюшня тоже сгорела. В общем, в замке сейчас командует рыцарь фон Меренштайн, он, кстати, тоже ранен, а я у него вроде как заместитель.

– А!.. Понятно тогда!

– То-то же! Как я понял, тут командуешь ты. Как тебя звать-то?

– Венцель, знаменщик барона фон Кетвига.

– Отлично! Спешься, поговорить надо.

Венцель послушно слез с коня и подошел к Лису.

– Слушай сюда, дружище, – начал Рейнар. – Судя по тому, что Кетвига здесь нет, большой Вилли уехал в Ольденбург.

– Он мне не докладывался. Но что уехал – точно. Пять всадников с собой взял.

– Мне тоже не докладывался. Знаю то, что сказали. Но это не важно. – Лис утомленно вздохнул. – Хорошо хоть еще один нормальный человек появился. А то здесь после пожара все как подурели. Я тут скоро заикаться начну от этих олухов!

Знаменщик самодовольно усмехнулся.

– Ладно, что нам-то делать, говори.

– Вам? Возьми с собой десяток воинов, что покрепче, и гони во всю прыть к морю. Они туда поскакали. Там за ними человек семь наших увязалось, да только как бы им самим не потеряться. Так что всех, кого встретишь, бери под свою команду. Тех, которые послабее, оставь здесь. У тебя они все равно будут как гиря на ноге, а тут им всем работы хватит. Коней пусть здесь привяжут, у коновязи. От конюшни, – Рейнар развел руками, – воспоминание осталось.

– Эй, ты, ты, ты, вот вы двое и вы, – скомандовал Венцель, – оставайтесь в замке. Остальные – за мной.

Он легко вскочил в седло и пришпорил коня. Отряд быстро растаял в ночной мгле.

– А вы что стоите, как просватанные? – накинусь Лис на оставшихся вояк, чьи лица не выражали ничего, кроме безмерной усталости. – Вот вы двое оставайтесь на воротах, остальные бегом марш на конюшню разбирать развалины!

Я восхищенно наблюдал за административно-хозяйственной деятельностью моего напарника.

– Ну, Лис, ты даешь! – передал я ему по мыслесвязи.

– Хм, тоже мне, бином Ньютона! Просто, как отобрать пять солидов у Буратино. Вот, кстати, и лошадь для Мальшиа есть. Не самая, правда, свежая, но зато на выбор.

– Ну что, поехали, что ли? – произнес я, беря под уздцы наших коней.

– Одну минуточку, сэр! – Эдвар аккуратно положил тело лорда Эйстона на лежанку и с радостным оживлением на лице выскочил во двор. Прежде чем я и Лис успели что-либо

предпринять, он схватил двоих оставшихся возле коней кнехтов за шкуру и со всего размаха стукнул их лбами друг о друга.

– А вот это уже, по-моему, фатально... и без вариантов... – задумчиво констатировал Лис, склоняясь над двумя бездыханными телами.

– Мальчик мой, больше так никогда не делай, – назидательно выговаривал я детине. – С такими замашками Европа обезлюдеет раньше, чем ты успеешь состариться.

– Все! На сегодня жертв хватит! Уходим очень быстро! – скомандовал Лис.

– Кстати, – поинтересовался я у своего бравого напарника, когда замок Ройхенбах был уже позади, – что ты там говорил про фон Меренштайна?

– А! Да ерунда! Я к коменданту за деньгами заскочил, а этот Меренштайн как раз там был. Он за меч, ну а я его табуретом по голове.

Наконец показались до боли знакомые кущи. Мы молча спешили. И я, и Лис отлично понимали, что кому-то из нас предстоит сейчас сообщить скорбную весть прекрасной даме, чьи высокие чувства толкали нас на безрассудный подвиг. Костер все еще горел. Возле него вырисовывалась фигура маркизы, с напряженным спокойствием вглядывающейся в окружающий ее сумрак. Хищный лучик стилета, зажатого в ее руке, поблескивал в затухающем свете костра.

– Сударыня, – очень тихо произнес я, неслышно приближаясь к ней.

– Что с лордом Томасом? – резко вскочила она. – Он жив? Не может быть, чтобы он умер! – Ее огромные глаза стали еще больше и заблестели от готовых пролиться слез.

– Он жив, ваше сиятельство, – поддержал меня подошедший Лис.

Женские слезы... всю жизнь я панически боялся женских слез. Этому оружию я не мог противопоставить ничего. Малыш де Меркадьё осторожно положил тело лорда у ног красавицы и смущенно отошел в сторону.

– Томас! Томас!! – позвала она супруга, опускаясь возле него на колени.

Маркиза не кричала и не плакала, но уж лучше бы она билась в истерику, потому что у меня даже сжалось сердце от сострадания к этому неподдельному горю.

– Ты будешь жить! Я знаю, ты будешь жить, звезды не могли мне солгать!..

– Когда корабль разбился о скалы, – начал вдруг ни с того ни с сего Малыш Меркадьё, – матча рухнула, проломив фальшборт. Мы как раз пытались спустить лодку. Обломок реи ударил лорда Томаса по голове.

– Череп пробит, – тихо прошептал мне Лис. – Скорее всего черепно-мозговая травма второй степени.

– Он потерял сознание на несколько минут, – продолжал Эдвар, – но нам удалось привести его в чувство. Ваш муж – очень крепкий человек, сударыня.

Маркиза не слушала. Из ее груди доносились сдавленные всхлипы.

Эдвар совсем смутился и продолжал, обращаясь больше к нам, чем к маркизе:

– Нам чудом удалось выплыть и добраться до какой-то маленькой рыбацкой деревушки. Его величество велел послать за лекарем или магом, но вместо них туда весьма скоро прибыл большой отряд императорских кнехтов, и мы были захвачены. – Жиль помолчал немного. – Они захватили нас спящими, – поспешил добавить он. – Но двоих я все-таки успел убить... Я не знаю, куда увезли короля Ричарда, а нас сначала поместили в замок Эренштадт, потом... не знаю; я пробовал бежать, пришиб еще нескольких стражников. Комендант крепости велел заливать в меня ежедневно бадью вина через лейку. Насколько я помню, нас несколько раз перевозили, лорд Томас все чаще впадал в беспамятство, а последние несколько дней и вовсе не приходил в себя. – Парень тяжело вздохнул и замолчал.

– Безнадёжно, – тихо шепнул я Лису. – При своевременном медицинском вмешательстве и полном покое его еще можно было бы спасти, но сейчас... Увы, он обречен.

– Но не оставлять же его здесь!

– Нет, конечно. Возьми этого Кайара, срубите пару жердей, сделаем носилки.

– Эй, Эдвар, пойдем, подсобишь! – обратился мой напарник к смущенно молчавшему гиганту.

Я остался один возле маркизы, тихо рыдающей на груди своего мужа. Внезапно по мыслесвязи я услышал голос Лиса:

– *Капитан! Погляди-ка, что тут такое.*

Обрадованный поводу не присутствовать при душераздирающей сцене, я оставил маркизу наедине с ее умирающим мужем. Лис сидел на корточках шагах в десяти от шалаша, ошеломленно глядя на бесформенное тело, распростертое у его ног.

– Волк. Абсолютно мертвый.

– Мертвее некуда. – Я перевернул тушу убитого зверя в поисках ран.

– Вот, смотри. – Лис раздвинул подшерсток на груди. Только сгусток запекшейся крови да маленький след указывали на место смертельного удара флоренса.¹⁵

– Один-единственный удар! Совсем неплохо.

– Да, я думаю, и ты не ударил бы лучше.

– Волк был старый, голодный, – услышал я за спиной голос маркизы. – И долго думал, прыгать или нет.

Слезы все еще стояли в ее глазах, но было видно, что она уже вполне владеет собой.

– Будьте любезны, джентльмены, поскорее. Не забывайте, что корабль ждет нас у пирса.

Погрузив умирающего на сработанные наскоро носилки, мы укрепили их между двумя лошадьми и как можно тише двинулись по направлению к Ройхенбахской дороге. Всю дорогу маркиза, казалось, была погружена в глубокое раздумье.

– *Скажи мне, Капитан, – услышал я в голове задумчивый голос Лиса. – Видел ли ты когда-нибудь в жизни подобную женицину?*

– *Нет, – честно ответил я, украдкой бросая взгляд на красавицу, скакавшую рядом.*

– *Да, вот еще, мессир Вальдар, вы ведь еще днем знали, что в замке нет никакого Ричарда.*

– *Не знал, но догадывался. Подумай сам: если герцогу Лейтонбургу так нужна леди Джейн, то ему вовсе незачем держать в качестве приманки самого короля.*

– *Логично. А где же тогда Ричард?*

– *У меня есть смутное подозрение, что этот вопрос, как и множество других, следует задать все тому же Лейтонбургу.*

– *Какие такие вопросы?*

– *Ну, например, все тот же – традиционный: зачем ему нужна маркиза?*

– *Она говорит, что не знает.*

– *Допустим, что так. Допустим, что она знает нечто, о чем, может быть, не подозревает сама, но что жизненно важно для принца Оттона. Иначе к чему вся эта суматоха? А вот, кстати! Ваше сиятельство! – обратился я к леди Джейн. – Откуда вы узнали о том, что ваш муж находится в Ройхенбахе?*

– Его слуга Джон спасся после кораблекрушения и проследил, куда их увезли. Ему тайком удалось переправиться в Англию и передать нам эту тягостную весть.

– Слуга Джон, говорите? Где он сейчас?

– Он тяжело заболел в дороге, и нам пришлось оставить его в странноприимном доме в Вулидже.

«Дней семь—десять туда, три—пять дней там, да семь—десять дней обратно... Получается никак не меньше семнадцать дней. Не сходятся концы с концами».

¹⁵ Флоренс – флорентийский стилет, имеющий в сечении вид вогнутого ромба.

– Слуга Джон, говорите?.. – вновь повторил я. – Узники прибыли в Ройхенбах дня четыре назад. Никакой слуга не мог знать об этом заранее, если он, конечно, не обладал даром пророчества. Меркадь! Был ли среди спасшихся Джон, слуга лорда Томаса?

– Я видел его на корабле, но в ту ночь его рядом с нами не было, – ответил юноша.

– Так, с этим понятно. Маркиза, мне грустно вам об этом говорить, но вся история вашего слуги – ложь от первого до последнего слова. Герцог Лейтонбург охотится за вами, как кот за мышью, а я могу вас заверить, что его высочество принц Оттон фон Гогенштауфен – один из опаснейших людей Европы. Прошу вас, подумайте еще раз, что ему может быть от вас нужно?

– Не знаю, – не раздумывая, ответила она, честно глядя на меня своими огромными глазами.

Я готов был поклясться на мече, что она знает все и еще немножко. Остаток пути мы проделали молча.

«Святой Николай» покачивался на тихой волне, освещенный предательски полной луной. Тихий ветер шелестел в кронах могучих деревьев. Мы спешили и прошли на пирс. Караулка посвечивала вновь навешенной, но еще не крашенной дверью. Лис подошел к ней и подергал за ручку. Тщетно. Дверь была крепко заперта изнутри.

– Инстинкт самосохранения – одно из величайших приобретений живого существа в ходе эволюции, – философски изрек он и залихватски свистнул в два пальца.

С корабля послышался ответный свист, и судно медленно начало подчаливать к берегу.

– Эй, неживые! Три тысячи гортингонских ведьм, сходни спускайте! – донесся до нас голос Ганса Гигера, после всех сегодняшних треволнений звучащий небесной музыкой.

Старина Рон суетливо бросился помогать своей госпоже.

– Эдвар, Рон, несите лорда Томаса в капитанскую каюту. Маркизе постелите там же, – командовал Лис.

– Э-э-э! Акула вас заешь! Это моя каюта! – поспешно возмутился шкипер.

– Ну конечно же, конечно же, твоя. – Рейнар приятельски положил руку на плечо Гигера. – Но понимаешь, в чем дело, Ганс. Цвет твоего лица говорит о том, что ты слишком много пьешь.

– Да какое твое дело! Рог Вельзевула! – взревел рыжий мореход.

– Тише, тише, дружище. Ради бога, не волнуйся, – ласково продолжал мой напарник. – Один рыцарь сегодня вот точно так же волновался...

– И что?

– Что, что? Помер! Царствие ему небесное. Упал так на пол, ручкой дерг, ножкой дрыг, и все. А тоже душевный был человек. Нервный только.

– Ты это об чем? – тоном пониже осведомился Ганс.

– А я это об том, дорогой мой, что ночи сейчас стоят теплые. Воздух свежий, чистый. – Лис шумно вдохнул ночные ароматы. – Прямо не воздух, а бальзам для ран. Так что ежели ты поспишь пока на юте,¹⁶ это тебе только на пользу пойдет. А чтобы тебе скучно не было, с тобой вот этот Малыш рядом прикорнет. – Лис кивнул на Меркадь. – Он тоже последнее время жутко нервный. Сегодня двум кнехтам головы, как орехи, расколот, они даже ойкнуть не успели.

Шкипер выругался себе под нос и накинулся на матросов, ставящих парус. «Святой Николай» отчалил от пирса и тихо пошел вниз по течению.

– Сегодня ночью до Хорстингена дойдем. Угораздило же нас по темени идти, – поднимаясь к нам, буркнул капитан.

– Ничего, луна вон как светит.

¹⁶ Ют – кормовая надстройка на корабле.

– Луна, луна. Мы с этой луной отправимся рыб кормить. За Хорстингеном камней – не протолкнешься. Лоцман нужен.

– Ладно, Ганс, командуй.

Довольный своей победой, капитан оставил нас в покое.

– Капитан, – обратился ко мне Лис, когда мы наконец остались одни, – когда ты понял, что Ричарда в замке нет?

– Когда донесение писал. А догадывался еще раньше.

– Понятно. А почему молчал?

– Почему? Наверное, потому, что пользы для Института от нашей сегодняшней вылазки ноль целых ноль десятых. А помочь людям было нужно.

– Послушай, Вальдар. Ты вроде не дурак, но временами меня просто поражаешь. Что ж мы, без благословения Института в свое удовольствие и замок штурмануть не можем? Да пошли они все темным лесом ленинским курсом. Ты бы, кстати, сходил к маркизе. Утешил. Убивается ведь бедолажная.

– Почему я?

– Ты что, меня за лоха ушастого держишь? Я что, не вижу, как ты на нее смотришь? А кроме того, кто у нас специалист по прекрасным дамам? Ну а насчет пользы нашего штурма – это еще бабушка надвое сказала.

– Ладно, Лис, я пойду.

– Иди, иди. Удачи тебе.

Подойдя к двери каюты, я тихо постучал.

– Кто там? – послышался всхлипывающий голос маркизы.

– Вальдар Камдил, сударыня.

– Да, входите. Хорошо, что вы пришли.

Я вошел. Лицо леди Джейн было заплакано, но гордая осанка была все так же безукоризненна.

– Мессир Вальдар. Я очень благодарна вам. Вы и ваш друг столько сделали для меня и моего мужа. – Она подошла вплотную ко мне, и легкая рука ее легла на мою щеку. Я невольно задохнулся от волнения и, взяв нежную ручку, поцеловал ее. Сердце мое стучало, как тамтам, зовущий дикарей на смертный бой.

– Скажите, мой милый рыцарь, вы верите звездам?

– Я?..

– Звезды не могли меня обмануть! Звезды – не люди. Они не умеют лгать! – Огромные глаза маркизы загорелись безумным блеском.

Я погладил ее золотые локоны, и мои пальцы скользнули по нежной точеной шейке.

– Так суждено, – продолжала она. – Что ж! Пусть это будет вашей наградой! – Она обхватила мою шею руками, и я почувствовал неповторимый вкус ее губ.

Мир поплыл перед моими глазами. Исчез Институт, король Ричард, умирающий лорд Эйстон, покачивающийся на волнах «Святой Николай». Осталось лишь крошечное пространство каюты и мы. Только мы вдвоем.

Моя рука, одолев шнуровку ее платья, скользнула внутрь и... наткнулась на рукоять стилета. И... и, несмотря на детскую мою любовь к холодному оружию, скользнула дальше, жадно вбирая сладостную упругость ее груди.

Внезапно леди Джейн немного отстранилась и, ласково улыбнувшись, прошептала:

– Я буду очень благодарна вам, мессир Вальдар, если вы снимете кольчугу...

Глава девятая

«Монета!» – это звучит гордо.

Скрудж Мак-Дак

- Капитан, просыпайтесь, у нас проблемы! – Лис ожесточенно тормошил меня за плечо.
- Что еще за проблемы? – не открывая глаз, пробурчал я.
- Мальвина сбежала вместе с пуделем Артемоном и золотым ключиком!
- Не понял! – Я резко сел, прикрывая плащом первозданную наготу. Первый раз за последние несколько дней мне удалось поспать с комфортом. Но вот на тебе, «хмурое утро»!
- Что тут непонятного? Маркиза изволила оставить нас, прихватив с собой лорда Томаса и Рона. Команда бунтует, не желает идти дальше. Малыш им там на палубе глазки строит, они сюда подойти боятся, но недовольны крайне.
- Ладно, сейчас оденусь, выйду.
- А чего, ты и так неплох... Завернись в плащ и толкни им речь наподобие Цицерона.
- Ладно, не тарыхти. Чего они хотят?
- Как обычно. Денег.
- Ну так заплати им.
- Пять фунтов?! Да чтобы я вот этими трудовыми мозолистыми руками отдал бездельникам пять фунтов?
- Ладно, тогда, пролетарий всех стран, тащи сюда шкипера.
- Лис развернулся и вышел из каюты. Я быстро оделся. Рыжая голова капитана нерешительно просунулась в дверь.
- Да ты иди, иди, – напутствовал его Лис. – Ты же весь вечер твердил, что это твоя каюта! Заходи, мессир Вальдар рыжих на завтрак не ест!
- Шкипер нерешительно переступил порог. За поясом у него торчал широкий кривой нож, и на лице красовалось угрюмое выражение, но, похоже, особого желания драться насмерть он не испытывал.
- Доброе утро, Йоган, – приветливо обратился я к нему.
- И вам того же, господин рыцарь, – буркнул он.
- Как я понимаю, ты и твоя команда недовольна условиями сделки? – Последний ремешок перевязи аккуратно лег на свое место.
- Да уж, конечно, где тут быть довольными? Рог Вельзевула! Клиенты разбегаются как крысы!
- Ты прав, Ганс, история вышла скверная. Но делать нечего. Поступим так. Мы задержали тебя на день. Ну, считаем, на полтора. За это время была проделана изрядная работа, в твой договор с хозяевами не входящая. Так?
- Так! – радостно кивнул отважный мореход.
- Значит, за день аренды мы платим пять солидов. Лис, – обратился я к своему напарнику, – считай.
- Это уж не извольте сомневаться, – обнадежил Рейнар.
- Каждому матросу по пять динариев.
- Хватило бы трех, – пробормотал Лис, – а я бы дал по одному.
- Да вам десять.
- Тоже мне благодетель за казенный счет нашелся, – не унимался Сережа.
- Сверх того...
- Лиса точно током ударило.

– Э! Командир, какие еще «сверх того»? Ты что, маршал Армии спасения, или нам уже начислили премию за успешное взятие Ройхенбаха?

– Сверх того солид вам лично за радушие и душевный прием.

– Итого сто пятьдесят динариев, – подвел итог Лис.

– Сто шестьдесят два, – поправил его шкипер, которому по роду службы считать деньги было не внове. – А обещали пять фунтов! Три тысячи гортингонских ведьм!

– Ах ты, краб облезлый! – накинулся на Гигера Лис. – Пять фунтов! Мы что, по-твоему, уже в Англии?

– А это как вам, господа, будет угодно. Только договаривались за пять.

– За пять фунтов! Да вся твоя паршивая лохань со всеми ее крысами и клопами не стоит таких денег, – кипятился Рейнар. – Сто пятьдесят динариев – и ни гrottена больше!

– Почему же сто пятьдесят?

– Почему? Каналья! Он еще имеет наглость спрашивать, североморская пиранья! Ты забыл, что мы полтора дня охраняли эту дряхлую посудину от пиратов?

Глаза шкипера стали величиной с блюдце.

– Здесь нет никаких пиратов, приятель! Клянусь рогами сатаны, я за десять последних лет не видел здесь ни одного живого пирата! – кипятился Ганс Гигер.

Однако если бы он знал Лиса столько, сколько знал его я, он мог бы быть уверенным, что сто пятьдесят динариев – это все, на что он может рассчитывать... При очень удачном стечении обстоятельств.

– Так что же я, по-твоему, вру? – не сдавался Рейнар. – Что ты мне голову-то морочишь? Эти места кишат пиратами, как твоя борода блохами... И если бы не мы, – Лис вытащил свой кинжал и изобразил процесс отпиливания головы, – вы бы уже давно водяному сказки рассказывали...

Спор затягивался и становился все более и более беспредметным.

– Послушай меня, дражайший мой Йоган Гигер, – перебил я бессмысленный торг, – либо ты берешь деньги и высаживаешь нас в ближайшей гавани, либо... – рука моя легла на меч, – ты не оставляешь нам другого выхода.

Ганс выругался себе под нос и протянул свою широченную ладонь:

– Платите.

– Интересно, какую часть этой суммы получают матросы? – поинтересовался я, когда шкипер скрылся за дверью.

– Тоже мне, защитник угнетенных выискался, – недовольно фыркнул Лис. – Максимум по динарию. Так что, считай, двенадцать солидов этот прохвост положит в свой карман. День-то задержки он всегда списать может. На погоду, на черта морского, да мало ли на что?

Пройдя коварную горловину Хорстингена, корабль тихо плыл вниз по течению Везера все ближе и ближе к Северному морю.

– Что дальше будем делать, Капитан? – утихомирившись, осведомился мой верный напарник.

– Дальше? Дальше мы атакуем двумя колоннами по сходящимся направлениям. Первая колонна – это я и Малыш де Меркадьё. Мы стремительно движемся задавать накопившиеся вопросы герцогу Лейгонбургскому. А вторая, в составе тебя, направляется в Ольденбург в гостиницу «Черный орел». Имя помнишь?

– Готьё де Вердамон, Джордж Талбот... Только к чему это?

– Этот след тоже ведет к Лейтонбургу.

– А-а-а! Я-то подумал, к маркизе!

– Лис, не дурачься! Знаешь ли ты, кто такой Оттон Лейтонбургский?

– Кто? Дядя императора. Младший брат покойного Фридриха Барбароссы. Что еще?

– В общих чертах правильно. А что ты скажешь об императоре?

– Генрихе Шестом? Тиран. Деспот. Развратник. Жесток. Капризен. Истинный ариец. Беспощаден к врагам рейха. Неприятный, в общем, тип.

– Тоже верно, но не совсем. Как ты понимаешь, папаше-императору заниматься своим худосочным отпрыском было недосуг. Случались дела и поважнее. Воспитанием молодого волчонка занимался дядя. Он обучил его всем премудростям рыцарского искусства, в котором, кстати, сам большой мастер, он же пристрастил к разврату и пьянству и преподавал азы государственного управления. Правда, тут дальше азов дело не сдвинулось.

Когда же, по воле волн, корона очутилась на голове юного Генриха, именно дядя, как ты понимаешь, стал первым человеком в империи. Ничего в стране не происходит без его ведома. С тех пор как Фридрих Барбаросса утонул, направляясь в крестовый поход, Генрих – послушное орудие в руках дяди. Он его и использует как орудие. Таран для выбивания ворот. При этом, как мы видим, еще ведет какую-то свою игру.

– Скажи проще: «Путь к Львиному Сердцу лежит через потроха старого волка», – зевнул Лис. – Хорошо, Лейтонбург так Лейтонбург. Ты командуешь операцией, тебе видней.

В дверь постучали.

– Я не помешаю? – В каюту, согнувшись, втиснулся Эдвар. Со вчерашней ночи он изрядно посвежел, и румянец играл на его исхудавших щеках.

– Шкипер велел передать, что на горизонте Браке. Там он нас высадит. Пусть командует, или выкинуть его за борт?

– Малыш, – всплеснул я руками, – откуда у тебя такие уголовные наклонности?

– А что, – удивился Кайар, – король Ричард точно бы велел выкинуть.

– Почему?

– Да потому что шкиперу следует прийти, поклониться и узнать, не изволит ли господин рыцарь сойти на берег в этом самом Браке.

– Все хорошо, Эдвар. Пусть себе командует.

– Как скажете, ваша честь, – поклонился Меркадье. – А я бы все-таки выкинул. Для острастки остальных.

Через несколько минут мы стояли на палубе «Святого Николая», всматриваясь в неясные контуры приближающегося порта.

– Похоже, там большой корабль, – произнес Лис, чей натренированный глаз лучника позволял определить половую принадлежность мухи в полете.

– Купец?

– Нет. Военный. Судя по всему, английский неф.

– Английский?

Лис пожал плечами, достал откуда-то из-под туники сарбакан и пару съемных линз.

– На, сам посмотри. – Он протянул мне импровизированную подзорную трубу.

– «Черный вепрь», – прочитал я надпись на борту. – Корабль, видимо, из Корнуолла. Интересно, что он здесь делает?

– Разгружается, – чуть помедлив, ответил Лис. – Интересно, что это за второй фронт?

По сходням корабля на берег сновали люди с сундуками и ящиками. Вокруг них в большом количестве поблескивали кольчуги и шлемы воинов.

Немного поодаль от общей разгрузочной суматохи находилась небольшая группа всадников, наблюдавших за высадкой.

Один из них, восседавший на роскошном фризском коне, привлек мое внимание. Он был высок и необъятен, как соборный колокол. Несмотря на это, а также на смиренное монашеское одеяние, он непринужденно гарцевал на своем гнедом жеребце, который в сочетании с ним отнюдь не казался тяжеловозом.

– Как там говорится в вашей поговорке, Лис: «Зверь обречен бежать на охотника»?

– Ты это об чем? – перевел на меня глаза Рейнар.

– О том, мой друг. Что задача твоя несколько упрощается. В Ольденбург ты, видимо, поедешь в веселой компании. Не думаю, чтобы где-то в округе сыскался еще один аббат такой толщины. Хотя...

«Святой Николай» подходил все ближе и ближе к берегу, и картина происходящего просматривалась уже совсем ясно.

– Хотя это примерно такой же аббат, как ты профос из Лютца. Перед нами мессир Бертран Лоншан – канцлер Англии.

Немая пауза, повисшая над кораблем, затягивалась.

– Капитан, ты уверен?

– Фигура заметная. Ошибиться трудно.

– Полагаешь, тайные переговоры?

– Ну, если отбросить версию, что господин Лоншан на заслуженном отдыхе просто путешествует инкогнито ради своего удовольствия, то скорее всего – да.

– С Лейтонбургом?

– Несомненно. С императором бы он встречался открыто и с большой помпой. Лоншан любит пышность, как и всякий выскочка.

– Их благородных? – Сергей вновь воззрился на сановника.

– Да. Всем, что он имеет, он обязан своей хитрости и изворотливости. Ну и умению красиво писать. Мессир Бертран, конечно, возводит свой род к младшей ветви нормандских Л'Аншенов, но всякий знает, что начинал новоиспеченный граф Херефорд писцом у королевы-матери. Как бы то ни было, Лис, ты должен приклеиться к нему и не оставлять его ни на минуту. Стань ему родным отцом, а если придется, то и родной матерью.

– О! Уматерить его – это всегда пожалуйста.

– Не перебивай, ради бога! Помни об этом де Вердамоне. Насколько я понимаю – он человек Оттона.

– Ну, это к гадалке не ходить!

– Вот и не ходи. Этот Талбот, или уж как там его, – второй твой пациент.

– Ясно. Понял. Ну, я пошел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.